

Рискованные связи

В прекрасном Будапеште встретились он и она, юные, красивые, талантливые. Любовь вспыхнула с первого взгляда.

На празднование Нового года приехал Слава к родителям невесты, чтобы попросить ее руки. Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше: пара прекрасная, не за горами и пополнение в семействе. Да вот что-то тревожило мать Серафимы, беспокойно было ее душе от предстоящего торжества. Кого напоминает ей избранник дочери? Чьи знакомые черты узнает она в его облике? Стоит ли доверять свою Симочку этому словно родному человеку?

Огромное спасибо моему мужу,
первому читателю и издателю Мише,
за любовь и долготерпение...

Даже если ты падаешь, знай, что это падение может стать трамплином для твоих детей.
М. Шнеерсон

Глава 1

Халатность – вот что мешает российскому населению нормально жить и следовать законам. Но Андрею она спасла жизнь. Его забыли положить в холодильник. Сначала не было мест, а когда одно освободилось, на его тело пришла разнарядка по вскрытию на завтра. Санитар, спешащий домой к телевизору попереживать за любимую футбольную команду, решил лишний раз не суетиться.

Почти сутки отлежавшись после аварии, Андрей очнулся и долго раздумывал, где, собственно, он находится. Во-первых, было холодно, во-вторых, темно. Спиной и ягодицами он ощущал металлическую поверхность, а на лицо была накинута ткань.

«Я не в гробу, – сам себе объяснил Андрей. – А это уже обнадеживает. Наверное, я в морге».

Сил поднять руки и проверить свою догадку пока не находилось.

Проснувшись память начала раскручивать воспоминания в обратном порядке. Он сидел за рулем своего «Мерседеса» и пытался оторваться от нагонявшего его автомобиля. Раздалось несколько выстрелов, и на ветровом стекле появились сквозные дырки, окруженные паутиной трещин.

«Вперед! – решил Андрей. – Другого выхода нет».

Настроившись на отключение сознания, что приводит к расслаблению всех мышц, и следовательно, к минимальному травматизму, он направил машину в ближайший фонарный столб и одновременно отстегнул ремень безопасности.

Дверцу автомобиля Андрей открыл за мгновение до удара...

Его швырнуло в сторону, метров на пять, и он упал в сугроб, покрытый ледяным настом. Сугроб оказался странно твердым. Видимо, снег сгребли на бетонную плиту или горку гравия.

Перед тем как потерять сознание, Андрей ощутил удар, пришедшийся на ребра, колени и голову. Очнувшись, сквозь вязкую темноту услышал резкий вой машины «Скорой помощи», ощутил прикосновения чужих рук к голове и усталый голос:

– ...Черепно-мозговая... не жилец.

С врачом кто-то заговорил, уточняя диагноз, и Андрей побоялся, что его отправят в больницу, спасти.

– Умри, – приказал он себе и окончательно провалился в ничто.

Две недели назад в их офис пришли трое «братков». Пришли шумно, вырубив двух охранников, надавав под дых и по почкам. Разбили стеклянную столешницу стола в приемной, наорали на секретаршу так, что та расплакалась.

Когда Андрей, услышав громкие голоса, открыл дверь своего кабинета, на него уставились три пары наглых глаз.

– Ты, что ли, хозяин?

Один из посетителей, похожий на разъявшегoся кабанчика, ладонью втолкнул его обратно в кабинет.

– Есть разговор.

Андрей, стараясь сохранить лицо, спокойно прошел за свой стол, сел в офисное кресло.

– Я вас слушаю.

– Еще бы. Ты будешь слушать сюда. Нам, – браток обвел руками своих товарищей. – Нам нужны деньги. А тебе...

В этот момент в кабинет вошли Гена и Александр. Оба в дорогих костюмах, хорошо подстриженные, пахнущие эксклюзивным парфюмом. Братки оценили их по-своему: худенькие, лощеные, в цивильных костюмчиках, оба в очечках. Одно слово – интеллигенты.

Гена и Александр прошли к дивану, стоящему рядом со столом Андрея, сели.

– То есть вам, – продолжил браток, – нужно спокойно жить, без неприятностей. Поэтому с вас триста тысяч зелени. А то разжировались на нашей земле, аж смотреть противно.

– Не понял, – Андрей достал из пиджака пачку сигарет, закурил. – С какого перепуга мы должны платить за то, что сами зарабатываем деньги? Ни у кого не отбираем, не занимаем, не грабим?

– Под наивного косишь? А вот давай с твоими поделеньниками побазарим. – Вымогатель развернулся всем телом к дивану и смерил Геннадия уверенным взглядом. – Хочешь, чтобы у фирмы склады погорели или дочка твоя до детского сада не дошла?

Гена как-то сразу обмяк, потеряв весь лоск. Его компаньон, сидящий рядом, наоборот, выпрямился.

– А что так много запрашиваете? – Александр тоже достал из кармана пачку сигарет, но не закурил, только размял пальцами сигарету. – Нам сложно потянуть такую сумму.

– Вам сложно? – Браток развернулся к Андрею. – Меня Лешей зовут. Говорю, чтобы легче было общаться. Так вот, на одного триста штук многовато, но ведь вас трое, так что получается по сто штук на рыло, а это уже реальная сумма. Лады?

Андрей смотрел на человека, сидящего перед ним, с тихой ненавистью. Почему он, этот Леша, позволяет себе диктовать условия им, людям, которые своим трудом заработали деньги. Да, они попали в струю государственных неразберих и воспользовались моментом законодательных недоразумений. А кто этим не пользовался? Только ленивый.

И никто, кроме родного деда, не помогал Андрею в этой жизни.

В два года Андрей потерял родителей. Они, оставив маленького ребенка на няню, уехали в горы. И горы-то были не особо высокими и не сложными – Карпаты. Но случилась катастрофа, и оба в секунду погибли, попав под снежно-каменный обвал.

О родителях Андрей судил только по фотографиям. Отец – молодой мужчина – красовался на фоне гор в спортивном костюме, с тяжелым рюкзаком за спиной. Сам веселый, здоровый, счастливый. Мама – красавица с распущенными длинными волосами в цветастом ярком платье, была снята на набережной Москвы-реки всего за полгода до смерти. Она улыбалась в объектив, не догадываясь, какая участь постигнет ее и мужа.

Были еще фотографии, где родители стояли на перроне Казанского вокзала, а еще на фоне Киевского, Ленинградского и Савеловского.

Почему их так тянуло в горы, Андрей не понимал. Для себя он решил, что если у него будет ребенок, то он ни за что не оставит его одного, не даст обстоятельствам доминировать над своей родительской любовью.

Тогда, давным-давно, он остался один в пустой квартире с женщиной, не пожелавшей взять на себя ответственность за чужого ребенка.

Дед Евгений Петрович, отец мамы, служил в дипломатическом корпусе в Индии.

Узнав о трагедии, он через месяц прилетел в Москву и застал двухлетнего внука в больнице, куда его устроила няня. Андрею грозило распределение в Дом малютки, для детского дома он был слишком мал.

Сколько Евгению Петровичу потребовалось нервов и денег, чтобы быстро оформить опеку над внуком, знал только он. Но еще через месяц Андрюша летел вместе с дедом в Дели, а затем в Калькутту.

Шесть лет в Индии для любого человека не могли пройти незаметно, хотя Андрей, как и большинство детей, нечасто выходил за территорию посольства. В Калькутте, в представительстве Советского Союза, огороженном белым цементным забором, шла своя особенная жизнь. Разговаривали на русском, но в школе несколько предметов вели на английском.

Женщины, оценив удобство сари, надевали официальные костюмы и кримпленовые плотные платья только по случаю прихода гостей, а дома ходили в полупрозрачных легких одеяниях. Конечно, накручивать на себя девять метров шелковой ткани никто не собирался, ограничивались четырьмя с половиной метрами хлопка и легкой кофточкой «чоли».

Между собой женщины перешептывались, что до колонизации англичанами индийские женщины, и так не отличающиеся в замужестве пуританством, кофточки чоли не носили, оставляли голой левую грудь, а подол юбки был гораздо короче.

В школе, в которую Андрей, за неимением детского сада, ходил с пяти лет, были особые уроки физкультуры. Первые десять минут дети старательно делали привычные

упражнения европейской гимнастики, а затем смуглый преподаватель в чалме просил разобрать сложенные в углу половики и детишки принимали особые позы – асаны, приучаясь дышать правильно и стимулировать внутренние органы работать в самом удобном для организма режиме.

Учителя звали Абхи, и школьники тут же окрестили его «Апчи». Узнав о том, что именно обозначает новое имя, учитель не обиделся.

– Хорошее имя – очищение органов дыхания. Мне нравится, – невозмутимо заметил Абхи, продолжив занятия. – Принимаем следующую асану.

Говорил Абхи со своими учениками на смеси хинди, английского и русского языков.

Со взрослыми учениками ему иногда было сложно общаться, зато дети понимали его сразу.

Половина людей, живущих в представительстве, вечером приходила в спортивный зал. Чтобы не смущать своих учеников, Абхи проводил занятия с женщинами и с мужчинами отдельно. В Индии девочек с момента появления месячных приучают к тому, что они обязаны доставлять мужу сексуальное удовольствие, а европейцы в плане секса люди дикие и на первых занятиях, при откровенных позах, часто краснели и смеялись друг над другом.

С Евгением Петровичем учитель йоги разговаривал чаще, чем с другими.

– У вас скромные женщины, закомплексованные. Одеваются сложно, слишком много одежды. А мужчины не всегда понимают важность асан. Вот асана «сосредоточение». При ней нужно замереть, и тогда мысли станут четче, а температура тела понизится на несколько градусов.

Обидевшись за русских, а вернее, тогда еще советских сотрудников, Евгений Петрович пригласил Абхи к себе домой и провел на кухню. Он попросил учителя засунуть руку в морозильную камеру.

– Вот при такой температуре мы живем три месяца в году. А жара у нас бывает очень редко.

Подержав с минуту смуглую худую руку в морозилке, Абхи молча сел на диван в гостиной, потер кожу.

– Странное для меня ощущение. Я знал, что у вас в России холодно, но не понимал, что настолько. Вам нужно внимательнее относиться к упражнениям, но не все из них подойдут вам там, в ваших морозах.

После этого замечания Евгений Петрович проникся к Абхи еще большим уважением и попросил о дополнительных занятиях в своем доме для себя и внука. Учитель согласился.

– Вы мудрый человек, – в свою очередь сказал Абхи. – Я видел у вас на животе родимое пятно в виде паука, а это особый знак, отличающий достойного.

Калькутта в восьмидесятых годах – округ, где наиболее ярко пропагандировались коммунистические идеи, поэтому население к сотрудникам Советского посольства относилось замечательно. Дети, выходящие из поселка представительства, чувствовали себя защищенными.

Андрей привык к Калькутте. В этом старом и местами поразительно грязном городе сосуществовали две цивилизации – европейская, при-внесенная англичанами, и древняя, индийская.

Даже семьи, живущие в картонных домиках на улицах рядом с многочисленными недорогими кафешками и домами европейцев, не вызывали отторжения. Ничего необычного в том, что люди не хотят или не могут жить далеко от места работы. Только пахло в таких домах-коробках отвратительно.

– А у нас они бы замерзли. У нас холодно, – сказал как-то Андрей своему учителю Абхи. – Мне дедушка рассказывал.

– Я понимаю, – согласился Абхи, потирая левую руку. – Помню.

В этот день Абхи предложил Евгению Петровичу и Андрею перейти к следующему этапу йоги – основам гипноза, внушения, создания иллюзии.

У дедушки не всегда хватало времени на занятия, зато Андрей занимался йогой не меньше двух часов ежедневно.

В первом классе Андрей иногда развлекался тем, что заставлял учительницу «не видеть» его самого или пропускать его фамилию в классном журнале, когда он не выучивал уроки. Это случалось крайне редко. Классы в представительстве были из трех-четырёх учеников, и спрашивали их на каждом уроке.

Через шесть лет переезд в Москву стал для Андрея шоком. Выходить на улицу приходилось в пальто, на голову надевать жаркую шапку, возиться с носками и сапогами, о существовании которых он давно забыл.

Иногда Андрей даже в январе приходил на занятия, одетый лишь в легкую рубашку, но в спецшколе дипломатического корпуса над этим не смеялись. Многие дети сами приехали из африканских стран или из Англии, где климат значительно мягче нашего.

Проходили годы, и от Индии у Андрея остались фотографии представительства, портрет Абхи и ежедневные занятия йогой, на которых настаивал дедушка.

Друзья по школе – Гена и Сашка – увлечения Андрея йогой не разделяли. Генка родился в Греции, где в их доме зарядку делали редко, зато в каждый обед пили домашнее вино, а в выходные ходили по историческим раскопкам.

Сашкина семья приехала из островного государства Бали, и он ругался на местном диалекте и любил танцевать в юбке-паре. Ничему большему он к восьми годам не научился.

Советская спецшкола для детей сотрудников дипкорпуса – учреждение строгое. Через десять лет Андрей, Гена и Сашка стали похожими на всех остальных выпускников средних школ.

От большинства выпускников друзей отличала уверенность в том, что они благодаря родителям не разделят участи подростков, не знающих, куда пойти учиться дальше – в институт на инженера или в ПТУ на рабочего завода. Им была одна дорога – МГИМО.

Нагрязнули сумасшедшие восьмидесятые года, которые очень быстро и ярко перетекли в девяностые. К тому времени трое друзей уже смогли «поймать волну» и наладить свой прибыльный бизнес.

Отец Александра, Виктор Павлович, уехал в Венгрию в качестве атташе по сельскохозяйственным делам. Приходилось заниматься многими проблемами, в том числе и поставками бумаги и целлюлозы из Сибири для обойной фабрики «Дунапак». Обои выпускались тридцати видов и в небольшой Венгрии особым спросом не пользовались.

Просчитав транспортные расходы и возможности советского рынка, где встали почти все

фабрики и заводы, Виктор Павлович предложил сыну и его друзьям заняться обойным бизнесом.

Обои из Венгрии были красивыми, но дорогими.

Страна к концу девяностого года перестала быть Советским Союзом, но Россией еще не стала. Пятьдесят процентов сделок совершалось в режиме «бартер»: я тебе вагон тушенки, а ты мне два вагона цемента. На тушенку можно было обменять все – от коньяка и золота до автомобиля и зачисления в институт.

Просчитав все возможные ходы, Андрей с ребятами не только продавали обои, но и обменивали их на товары, реализовать которые было выгодно в других регионах.

Но большинству населения требовались не предметы роскоши, а реальные недорогие вещи, в том числе и материалы для ремонта квартир.

Нужно было перейти на производство обоев, и обязательно недорогих. А где взять дешевую бумагу?

Интернет в девяностых годах в России не пестрел нужной информацией, и Андрею пришлось лично вылететь в Екатеринбург, а оттуда ехать на попутных машинах еще триста километров до города Туринска, где загибался целлюлозный заводик. Здесь же производили обои с рисунком, очень подходящим для военных казарм и мест лишений свободы, – серенькие мелкие цветочки на противном желтом фоне.

Не растерявшись от такой «красотищи» и прельстившись ценой, ребята поступили просто – Андрей отказался от узора совсем, а Гена нашел в Москве, в Северном Тушино фабричку с офсетной печатью и предложил свои варианты рисунков.

Трех было вполне достаточно. Очень крупные бордовые розы в хрустальных вазах на салатовом фоне, герои мультфильмов – Винни-Пух, Пятачок и Ослик Иа между парящими воздушными шариками, и вариант «шотландка» – серо-зелено-красная клеточка. То есть были охвачены все слои населения.

Обои шли на ура на всех рынках Москвы и Подмосковья. Объем российского производства в десять раз перекрыл качественную продукцию Венгрии.

Сумки с наличными деньгами заносились в офис компании по несколько раз в день. Хлеб в то время стоил двести рублей, а цена за рулон обоев приближалась к пяти тысячам. Рубли перед обменом на доллары складывали в мешки из-под сахара.

И сам Андрей, и Гена с Сашей подозревали, что стабильно бешеный доход фирмы долго без внимания криминальных структур остаться не может, но все надеялись на русский «авось».

«Авось» не случился. Как раз перед пятилетней годовщиной свадьбы Гены и Ларисы в офис приехали те самые братки во главе с Лешей, пообещавшие трем друзьям много неприятностей, если те не захотят поделиться заработанными денежными средствами.

Беда была в том, что недавно Андрей купил дом на Рублевке, потратив почти все деньги. Сашка содержал любовницу с ребенком, а Гена решил организовать роскошный юбилей на сто человек и отменять торжество не собирался, боясь гнева родителей и неудовольствия нужных родственников и знакомых с обеих сторон.

Проспорив весь вечер, ребята решили, что, поскольку у них нет лишних денег, терять им нечего. Гена и Александр уедут в Грецию, к отцу Гены, который сможет купить им на подставные имена две виллы, а Андрей, как человек свободный, потянет время, стараясь отвлечь внимание на себя. Свернув бизнес, он постарается вытянуть из него

какие-то деньги.

Братки ждали два дня, затем без предупреждения снова нагрянули в офис фирмы. Там сидел только Андрей. Вчера он уволил всех многочисленных сотрудников, закрыл сделки и перевел деньги на подставные счета. Почти не спал, но успел вовремя.

– У нас кончилось терпение! – сердито сказал Леша, войдя в кабинет и плюхнувшись на диван. – Мы забираем сейфы у тебя из кабинета и из бухгалтерии. А ты посиди здесь, подумай.

Зная, что ни в одном, ни в другом сейфе денег нет, Андрей подождал, пока небольшой, но тяжелый металлический ящик вынесут из кабинета. Оставшийся для контроля один из вымогателей отвлекся, закуривая. Андрей положил в карманы плоские печати фирмы, ключи от машины и офиса, вскочил на подоконник и выпрыгнул из окна.

Второй этаж, зима, сугробы. Возле офиса располагался цветник. Именно на это Андрей и рассчитывал, попросив дворника почаще сгребать снег под окна офиса.

План сработал, и Андрею осталось только отряхнуться от снежной пыли и вскочить в припаркованную неподалеку машину.

А затем была та самая погоня, сопровождаемая стрельбой, и он теперь здесь, в морге. Живой только благодаря тому, что смог, как и учил его в детстве Абхи, задерживать дыхание и биение сердца, добиваясь эффекта «зомби», иначе браток Леша не постеснялся бы пристрелить его там, на снежной дороге.

В очередной раз Андрей мысленно поблагодарил деда за правильное воспитание. Евгений Петрович умер три года назад от инсульта. Ему было всего шестьдесят пять лет, и для человека, половину жизни прозанимавшегося йогой, смерть казалась странной.

После похорон единственного близкого человека Андрей сильно запил и на два месяца забросил занятия. Но за многие годы натренированное тело привыкло к физическим нагрузкам и требовало их возобновить.

И больше он не нарушал режим, по утрам принимая привычные асаны – от позы лотоса до семиминутного стояния на голове, со скрещенными над головой ногами.

Глава 2

Леночка, старшая дочь в многодетной семье, родилась и жила в Касимове – городе, расположенном под Рязанью. Двадцать тысяч населения. Из высотных домов – две семиэтажки, выше зданий нет. Город входит в «Золотое кольцо России», и для сохранения флера Средних веков российской глубинки девяносто процентов домов в городе небольшие и деревянные.

Братьев у Леночки было четверо. Разница в возрасте между нею и первым братом оказалась всего в два года, поэтому на девочку не легла тяжесть воспитания братьев.

Родив первого ребенка, когда обоим было по двадцать, Иван и Марья детьми особо не занимались, и Леночка росла «лопухом в огороде».

Внимания девочке оказывалось не очень много. Бытовые трудности по содержанию Лены взвалила на себя одинокая пятидесятилетняя соседка тетя Полина. Она ждала девочку после школы с готовым обедом, зашивала порванные колготки и одежду, пострадавшую после контактов с соседскими заборами.

А во дворе Леночкой занималась подружка Оля. Она учила ее играть в карты и «ножички», таскала воровать яблоки и овощи с чужих огородов. Зачем однокласснице нужны были соседские кабачки и яблоки, она бы и сама не сказала. Но Леночка усердно

подражала Ольге. Даже пыталась научиться курить, но подруга неожиданно решила избавиться от вредной привычки.

В четырнадцать лет Ольга серьезно объяснила Леночке:

– Учиться нужно хорошо, Ленка. У нас, девочек из неблагополучных семей, есть только два пути – либо на трассу, работать «плечевыми» и продавать свое молодое тело за копейки, либо получить хорошую профессию. Я, например, как и родители, стану врачом.

– А разве мы из неблагополучной семьи? – Ленка смотрела на подругу «коровьими» беззащитными глазами. – У нас в семье все братья каждый день накормленные... И одеты хорошо. Старшенький, который после меня родился, Кирюша, аккуратно одежду носит, не рвет по заборам, не засаливает, она братьям достается. Мамка с папкой почти на одежду не тратятся.

– От ить дурында! – Ольга сплюнула откушенную травинку. – Да тебе сравнивать не с чем! Другой жизни мы и не видели. А вот что по телевизору показывают? Модели десятками по подиуму ходят, красуются. И та-а-акие деньги за это получают! Ого-го-го! А нам с тобою нужно иметь профессию в руках. Поедем вместе в Москву!

– В Москву? Это же страшно.

Подруги сидели на берегу Оки, на песчаной отмели и срывали сладкие апрельские травинки.

Надкусив очередную из них, Ольга посмотрела на свое отражение в воде. Она была не так высока и красива, как Леночка, зато имела нормальный характер и не позволяла помыкать собой. Сейчас она не советовалась с подругой, а диктовала дальнейшие действия на ближайшие годы.

По мере взросления Леночки ее мать стала читать ей небольшие лекции о том, как нужно правильно жить. Обычно учила она дочку, улегшись на диван и включив телевизор.

– Тебя можно как корову за веревочку водить. Ты же безотказная и совсем о себе не думаешь. Не дай бог какой-нибудь ухарь затащит тебя, дуру сисястую, в темный подъезд, а мне потом выблядка твоего воспитывать. Я твоему отцу до свадьбы не дала, сама терпела и ему велела. Чего ты на меня уставилась? Иди, вари борщ, скоро отец с братьями с рыбалки приедет, а я пока отдохну, все жилы вы из меня вытянули.

Глядя на мать, Леночка робко думала, что Ольга уже второй год живет с парнями и мужиками, но не рожает и чувствует себя свободной и довольной. А мама работает нянечкой в детском саду на полторы ставки из-за них, из-за детей. Очень устает, рано постарела. Отец третий год уже не бригадир, а прораб, но денег не хватает катастрофически, и мама каждый день притаскивает продукты с работы.

Это обычная практика всех сотрудников детского сада. Нет, они не собирают объедки по столам: просто не заявляют, когда в группе отсутствует несколько человек. Пребывание ребенка и его питание оплачено за месяц вперед, чего суетиться по мелочам?

По выходным для семьи все-таки приходилось готовить, и эту функцию Мария полностью возложила на Леночку – пусть девочка привыкает к семейным обязанностям. Единственно чего избегала мама, так это отправлять дочку в магазин. Местные алкаши, зная о мягком характере Леночки, часто просили у нее «на опохмел», и она не могла отказать. А потом отец шел разбираться и требовать деньги обратно. Спокойно Иван разговаривать не умел, лез в драку, после которой мирился с мужиками и уходил в двухдневный запой.

В семнадцать лет Ольга и Леночка закончили школу и поехали в Москву, в этот Содом и Гоморру советской действительности.

Как и намечала Ольга, обе подали документы в медицинский институт.

Столица подруг удивила и обворожила. Непривычное чувство свободы сыграло с ними нехорошую шутку. Ольга, понимая, что на улице и в общежитии никто ни за кем не наблюдает, пустилась во все тяжкие, меняя мужчин по принципу – кто выгоднее. За месяц успела многое.

У Леночки ситуация сложилась по-другому. Она действительно была очень хороша собой: стройная, пышногрудая и беззащитная. С первого взгляд было понятно, что с нею можно делать что угодно и она никому не станет жаловаться. То, что она до семнадцати лет оставалась девственницей, было заслугой Ольги, вовремя вытаскивающей подругу из стремных компаний, а еще отца Леночки, который предупредил «на районе», что, если кто раньше времени тронет его дочь, станет инвалидом без первичных половых признаков. Зная характер Ивана и помня о подрастающих в семье четырех братьях, никто с Леночкой связываться не хотел.

Иное дело в Москве.

Профессор института Семен Аркадьевич Нирберг, правильно оценив характер и особенно внешние данные абитуриентки, решил, что ему пора сменить в доме молоденькую экономку, по совместительству любовницу.

На вступительном экзамене по биологии Леночка отвечала не очень уверенно, не хватало знаний и апломба, но именно это понравилось Семену Аркадьевичу. Он четко знал, кого должен завалить, а кого поддержать на экзамене, и имел за собой зарезервированное «место в списке поступивших». В этом году он решил не брать много денег на вступительных экзаменах, а протащить в институт именно Леночку.

Преподаватели приемной комиссии недоумевали: девушка отвечала не более чем на три балла, но Нирберг показывал пять пальцев, настаивая на высокой оценке.

Ольга поступила самостоятельно. Не зря она последние три года в школе плотно сидела за учебниками и бегала к родителям в больницу, где те работали хирургами.

Ольга давно уже знала, что станет хирургом. Обучение в медицинском институте быстро сделалось для нее естественным и привычным, но для Леночки оно стало шоком.

Для нее, не привыкшей к крови и тому, как цинично медики относятся к человеческому телу, к боли, к страданиям больных, первый и второй курс института оказались серьезным испытанием.

Байки о том, как студенты в анатомическом театре смеются над тем, что было изъято из человеческого тела во время операций, оказались правдой. Наверное, каждому медику нужно переступить через природную брезгливость и боязнь развернутого изнутри человеческого тела... Не сумев перестроиться, Леночка выбрала профессию терапевта.

Тот факт, что Леночка не только без проблем поступила в институт, но и не стала жить с Ольгой в общежитии, а отправилась на квартиру старого ловеласа Семена Нирберга, взбесил подругу.

Профессор был мечтой любой провинциалки: метр восемьдесят два, пятьдесят лет, хороший доход, прекрасная квартира и даже домработница. Тетя Дуся, как и большинство «домашних» людей, через двадцать лет служения воспринимала профессора как родственника и спокойно относилась к смене любовниц своего хозяина.

Бывая в доме Нирберга, Ольга старалась обратить на себя внимание профессора. Помогала готовить шестидесятилетней Дусе, оставалась на ночь и вертелась утром перед мужчиной в длинной футболке, не скрывающей полноватых бедер.

Зная о всех ухищрениях студенток, Нирберг подсмеивался над Ольгой, но ставил отличные оценки по гистологии, понимая, что врач из нее со временем получится хороший.

А вот домработница Дуся, которую Леночка, одна из немногих, звала тетей Евдокией, к Ольге относилась с неприязнью:

– Зараза она похотливая. Ты, Ленка, ее не слушай, ничего хорошего она тебе не посоветует. Зависть ее глыжет. Смотри, доведет тебя до беды.

Праздник Восьмое марта решили отметить в общежитии. Леночка с трудом отпросилась у Семена «гульнуть». Он, начавший привыкать к присутствию в своей квартире тихой девушки, решил, что она сможет скрасить его приближающуюся старость.

Ему нужен рядом верный человек. Он еще молод, ему всего пятьдесят два, и детей у него не может быть, по дури сделал себе стерилизацию в тридцать пять лет, а менять студенток каждые два-три года он уже устал.

– Иди, развлекайся, – разрешил он Леночке. – Но смотри, в конце второго курса студенты и особенно студентки испытывают перелом в своем отношении к профессии. Я, как и другие преподаватели, много раз сталкивался с этой проблемой. Будь осторожней.

– Не блядуй и много не пей, – добавила свое веское слово Дуся и перекрестила девушку.

Желающих повеселиться набралось десять человек. Разместиться в комнате общежития не было возможности, и студенты отправились в лабораторию при анатомичке. С дежурным врачом договорились легко. Ольга выставила ему литр водки и себя.

Антураж анатомички, железные столы и белая холодная мебель, производил жутковатое впечатление.

Но после того как сдвинули в сторону банки с химикатами, автоклавы и пробирки, а на свободном пространстве сервировали стол с закусками, настроение студентов улучшилось. Трое парней принесли чистый медицинский спирт, соленые огурцы в пакетике и кусок ливерной колбасы или сардельки, как они говорили – для поддержания классического медицинского антуража, но остальные подозревали, что из экономии и желания надраться на халяву. Цветы достались двоим из пяти девочек. Одну хризантему презентовали Ольге за подмогу на зачете, а букет из трех гвоздик вручили Леночке, все-таки любовница профессора, а гистология – предмет важный.

Вернувшись из ординаторской после отработки аренды помещения, Ольга взяла бутерброд с колбасой, села между однокурсниками и недовольно покачала головой.

– Мельчает российский мужик. Сорока еще нет, а уже импотент.

Бывший Ольгин приятель, Серега, хлопнул ее по коленке.

– Нет, Оля, дело не в Евгении Павловиче, которого ты ходила совращать, а в тебе. Резкая ты, сразу в штаны лезешь, а в сексе, особенно после тяжелого рабочего дня, важна ласка. Вот посмотри на Леночку, на то, как наши ребята на нее облизываются. Если бы не Семен Аркадьевич, который ее пасет, я бы и сам...

Рассевшиеся на подоконнике, на столах и даже на кафельном полу студенты притомились

пить за Восьмое марта, за девушек и принялись травить анекдоты.

Опьянев до состояния, при котором уже сложно говорить, Леночка слушала всех с широко открытыми глазами, вовремя хихикала и искренно радовалась тому, что оказалась в компании молодых ребят, а не с друзьями и коллегами Семена.

Ольга наблюдала за подругой с неприязнью, растущей с каждой минутой.

Выждав еще полчаса, Ольга пересела ближе к Леночке и, отодвинув в сторону Серегу и тощенькую брюнетку Катю, обняла девушку за плечи.

– Давно мы с тобой не шушукались, Леночка. А скажи мне честно, какой Семен Аркадьевич в постели? Нормально у него работает, удовлетворяет?

– Нормально, – Леночка стеснительно улыбулась. – Такого, чего по телику видела, у нас почти не бывает... но мне и сравнивать не с чем. Ты ж знаешь, Оля, Семен у меня первый. В Касимове мне отец ноги бы оторвал.

– Э-э-х! – Ольга демонстративно сняла руку с плеча подруги. – От ить как была дурындой, так и осталась. А знаешь, с кем лучше всего трахаться? – Расширив глаза, Ольга заговорила взволнованно, с придыханием. – С только что помершим мужиком! У него член стоит, а еще он тебе часть души передает!

В глазах Ольги сверкал восторг от своей выдумки. Лена смотрела на нее с недоверием.

– Да ладно, Ольга, с покойником – это уже перебор.

Нащупав на столе стаканы и бутылку, Ольга набулькала граммов по сто и протянула Леночке стакан.

– А пойдем, проверим. Ты до сих пор покойников боишься, а это для медиков неправильно. Пойдем, найдем себе симпатягу.

– Я боюсь, – прошептала Леночка.

– Пора заканчивать с этим, не маленькая уже.

В один глоток выпив водку, Ольга взяла подругу за руку и потянула за собой. И Леночка, привыкнув подчиняться, поплелась за нею.

– Куда ты ее тащишь, шалава? – лениво поинтересовалась Катя, прикорнувшая к плечу Сергея. – Опять будешь трупаками Ленку пугать?

– Нет, иду приучать Ленку к работе в морге. А то она все занятия прогуливает, а Семен Аркадьевич ее прикрывает.

Проходя по полутемному коридору, Леночка пошатывалась от страха и от дозы шампанского, «отлакированного» водкой.

Отперев двери морга, Ольга нащупала на стене выключатель и окинула взглядом помещение.

– Черт, всех в холодильник поклали. А холодных я не люблю. – Сделав серьезное лицо, Ольга внимательнее оглядела морг. – Хотя, если там, на каталке мужик, будем пользоваться.

– Может не надо, Оля?

– А чего такого?! – делано удивилась подруга. – Я вот после нашего доктора совсем

не удовлетворенная. На кого мне лезть, на Серегу? Так он уже к Катьке намылился.

Подойдя к каталке, Ольга откинула простыню.

– Симпатичный и особо не покоцанный. Смотри, как хрен стоит, огурчик!

– Как живой, – прошептала Леночка. – Мне сейчас плохо будет.

– Деревенская ты дурында. Учись, как это делается.

Быстро сняв с себя джинсы и трусики, Ольга легко забралась на каталку и оседлала тело мужчины. Чтобы достичь оргазма, ей потребовалось всего несколько минут.

Соскочив с каталки, она подтолкнула Леночку.

– Давай залезай, я тебя подстрахую.

Почти в обмороке, Леночка послушно уселась поверх мужчины и с удивлением почувствовала крепость и теплоту мужского органа.

– Наверное, Ольга нагрела, – вяло подумала она.

И тут случилось то, чего девушки не ожидали. «Покойничек» приподнялся и обхватил руками талию Леночки. Пока Леночка падала в обморок, а Ольга визжала от ужаса, мужчина аккуратно положил Леночку на каталку, спустился, обмотал бедра простыней и вышел из морга.

Глава 3

От холода тело каменело, но внутренние органы работали безотказно. Андрея начало трясти. Он еще раз прислушался к себе. Если сосредоточиться, то можно попробовать сначала сесть, а затем спустить ноги на пол.

Нащупав руками скользкий металл каталки, Андрей напрягся, чтобы приподняться, и в этот момент услышал голоса, доносящиеся из коридора. «Может, не надо?» – скулил один из них. «А чего такого?!» – уверенно отвечал второй.

Послышался лязг ключей, зажегся свет. Девушки пьяно переговаривались. Оцепенение еще не проходило, и Андрей, собрав, как его учил Адхи, всю силу, хотел было уже позвать на помощь, но события развернулись совершенно неожиданно. С него сдернули простыню.

– Симпатичный и особо не покоцанный. – Голос девушки был пьяный и грубый. – Смотри, как хрен стоит, огурчик!

– Как живой, – прошептала другая девица. – Мне сейчас плохо будет.

Не слушая больше девушек, Андрей решил немного подождать.

То, что на него взобралась девушка, оказалось для Андрея неожиданностью. Ее ритмичные движения стали его согревать, понемногу пробуждая тело. Приоткрыв глаза, Андрей увидел лицо молоденькой, весьма увлеченной происходящим девицы. Она не понравилась ему, но природа брала свое, прервать процесс стало невозможным.

Через три минуты, когда девица плотно сжала ногами его бедра, а после вздрогнула, Андрей немного разочаровался. Для окончательного «пробуждения» ему не хватило полминуты. Еще бы немного...

И тут на него уселась вторая девица. Эта была чуть симпатичнее, но тоже слишком

пьяная. Эта сидела не двигаясь, с ужасом уставившись на него. Поняв, что он смотрит, забыв прикрыть глаза, Андрей решил доиграть свою роль. Он привстал, обхватил талию девушки, чтобы ему было удобнее, и бурно, с наслаждением кончил.

Закатив глаза, девушка оседала в его руках. Вторая визжала и топала ногами.

Уложив сомлевшую девицу на каталку, Андрей сдернул простыню и обмотал ею бедра.

Девушка продолжала визжать, а Андрей, глядя на нее, думал о том, что же ему теперь делать.

Вообще-то в морге было, мягко говоря, прохладно. Поежившись, Андрей огляделся. Делать ему здесь было нечего. Он вышел из помещения и прошел по коридору, никого не боясь. Волосы на голове стягивала кровавая корка.

После секса организм стал функционировать в полную силу, мозг заработал еще четче.

«Куда могли деть мою одежду? Вряд ли ее успели кому-нибудь отдать, за нею некому прийти, ребята в Греции, а родственников у меня нет. Значит, она где-то здесь. Как же называется то помещение, где хранят одежду? Гардероб? Нет. Бельевая? Нет. А! Камера хранения...

На второй по счету двери в коридоре висела табличка «камера хранения».

Но как открыть дверь? Выбить не получится, она отворилась наружу, а замок разворотить нечем.

Между нижним краем двери и полом был зазор в пять сантиметров.

Нагнувшись, Андрей просунул в щель пальцы, напрягся. На то, чтобы расшатать дряхлую дверь и снять ее с петель, потребовалось несколько минут.

Свои вещи нашел быстро. Пиджак оказался залит сзади кровью, но на темном материале было не очень заметно. Переодевшись, Андрей нащупал в кармане брюк ключи от квартиры и офиса. Интересно, почему их не вынули? Посчитали, что авария была не криминальной, или еще руки не дошли? В любом случае ему повезло.

Куда теперь? В квартире наверняка до сих пор сидят братки. Ищут деньги, обворовывают, а там есть что взять, или допивают спиртное из бара. Оставался офис. Вряд ли кто остался в разграбленном офисе. А у него там второй комплект документов и две пластиковые карты, спрятанные на случай пожара в туалете под кафелем.

– Я за сигаретами. В отделении у всех закончились, – сказал Андрей на пропускном пункте и сосредоточился, внушая охраннику, что с ним все в порядке.

Отвлекшись от телевизора, дежурный равнодушно оглядел выходящего мужчину. Высокий, здоровый, в костюме, а не дубленке, что нормально для врача. А то, что у него на голове и на рубашке засохшая кровь, он этого не видел.

Отвернувшись к телевизору, охранник тут же забыл о мужчине. У Андрея от напряжения закололо в висках.

Зря он надеялся, что в три часа ночи в офисе никого не будет.

Два старательных мужичка деловито вытаскивали на улицу его стол.

«Вот они, мои наличные деньги», – улыбнулся Андрей.

– Пламенный вам, коллеги. Все растащили или мне что-нибудь осталось? – ехидно

поинтересовался он.

При виде погибшего вчера миллионера, с головой, перемазанной кровью, да еще и улыбающегося, оба «коллеги» уронили стол.

Поморщившись от грохота, Андрей заулыбался еще шире.

– Пройдемте, господа. У меня есть к вам деловое предложение. А насчет моего внешнего вида – не беспокойтесь. Маскировка. Стол-то подвиньте, а то пройти невозможно.

Отодвинув стол, «коллеги» подождали, пока пройдет Андрей, и протиснулись вслед за ним.

– Кабинет Гены и Саши еще не растащили? – Андрей на ходу обернулся. Мужички отрицательно завертели головами. – Отлично. Туда и пройдем.

В кабинете друзей не хватало картин на стенах, двух кресел и компьютеров. Небольшой телевизор стоял на полу в углу, работал.

«Коллеги» смотрели на Андрея, не зная, на что решиться – выслушать его или напасть. Их помещения находились в здании этажом выше и занимали площадь в два раза меньше. Фирмы между собой не ладили. Вернее, верхний этаж завидовал, нижний фирмочку сверху часто просто не замечал.

– Мужики, – уверенно начал Андрей, садясь на стул, стоящий в центре кабинета, – делаю очень выгодное предложение, от которого вы не можете отказаться. Вот этот офис, – «покойничек» показал пальцем в пол, – проплачен до конца года. У вас есть возможность получить его за копейки вместе с мебелью. Деньги мне нужны сейчас же, наличными. Передачу имущества и аренды я вам оформлю задним числом. Недельная давность вас устроит?

Спрашивать – выгодно или не выгодно, в подобных случаях нельзя. А вдруг люди задумаются? На сомнения могут уйти часы, но времени у Андрея не было.

– Слышь, Андрей, – первым заговорил «коллега» помладше, – а что здесь вчера было?

– Инсценировка моей гибели. Банкротить фирму невыгодно, и мы с ребятами решили закончить все разом. Переборщили немного, забыли про офис. Короче, чем быстрее принесете бабки, тем меньше будет сумма. А я пока бумаги оформлю.

Он достал из кармана штамп и печать.

– В долларах возьмешь? – оживился младший мужичонка.

– А то! Есть здесь хоть один компьютер?

– Ага, – подал голос второй. – В твоём кабинете, мы его после стола решили вытащить. А что у тебя на голове? Кровь настоящая?

– Нет. На «Мосфильме» одолжил.

Пока притаскивали компьютер, подсоединяли принтер, набирали текст, Андрей посматривал на экран телевизора. Чего он ждал, он точно не знал, но предчувствие было нехорошим.

Через час, когда он вымыл голову, подписал документы и переоделся во все чистое, по московской программе передали, что был ограблен дом известного предпринимателя, в прошлом атташе в Венгрии по сельскому хозяйству, Потапенко Виктора Павловича.

Господин Потапенко в момент ограбления находился в квартире, подвергся нападению и умер от инфаркта.

Зная, что Виктор Павлович, отец Саши, никогда не жаловался на сердце, Андрей окончательно осознал, насколько вовремя он сам «умер».

В восемь утра Андрей летел в заснеженный мартовский Петербург, а через сутки его встречал теплый и цветущий Крит.

Глава 4

Визг прекратился, и Лена открыла глаза. Справа белела крашеная стена, слева стояла Ольга и смотрела на подругу очумевшими глазами.

– Он ушел. Встал и ушел! – хриплым шепотом пояснила она.

– Кто? – не поняла Лена.

– Мужик, которого мы изнасиловали. Чего ты на каталке лежишь? Простудишься.

Неуклюже соскочив с каталки и ударившись коленом о кафель, Лена села на пол.

– Мне не приснилось?

Посмотрев друг на друга, подружки поняли, что ничего им не приснилось и, между прочим, они совершенно трезвые.

В морг вошли Серега и Петр.

– Девки, вы ошалели? Разорались на всю больницу. У нас там Катька водкой поперхнулась, и Борька проснулся. Чего вы тут увидели, ожившего покойника?

– Вот именно, – тихо сказала Лена.

– Водка! – решительно заявила Ольга. – Пойдемте, ребята, отсюда, надоела мне мертвецкая экзотика.

В лаборатории Ольга, ничего не объясняя, налила в два стакана по сто граммов и протянула один из них подруге:

– За наш талант, Ленка, оживлять трупы.

– Допились, – скептически пробормотал Бориска, проспавший все веселье.

– Мне плохо, – пожаловалась Лена и, зажав рот, побрела в сторону туалета.

Из лаборантской слышался голос Ольги.

– Мы действительно оживили мужика. Я начала, а Ленка закончила. Пошли мы, как и все на первых курсах, смотреть, бывает ли «стояк» у мужчин в активном возрасте. А что такого, это важно для профессии. Тут сантименты ни к чему. От вы дурные, чего ржете?..

В профессорскую квартиру, Лена вошла в три часа ночи. В такси ее сажала Ольга. Хотела довести до самого профессора, но подруга неожиданно заупрячилась.

– Нет, Оля. Семен Аркадьевич и так разозлится из-за того, что я пришла так поздно, а тут еще ты.

– Поняла, – как-то уж очень спокойно согласилась Ольга, – до встречи, Леночка.

Вылив в ванную половину флакона пены и полежав в горячей воде, Лена все равно чувствовала себя грязной. Взяв жесткую мочалку, она долго и с остервенением стирала с себя то, что произошло в морге.

Дома скандала не случилось, Семен Аркадьевич сам вернулся только в семь утра. В комнату к Елене не заходил и днем о вечеринке не расспрашивал, всю субботу страдал от похмельного синдрома и занимался делами института.

Воскресение прошло в привычно спокойном режиме – зарядка, плотный обед, приготовленный Дусей, просмотр нового фильма на CD и легкий ужин, сделанный самим профессором.

Зато в институте было весело.

Институт и больница гудели от сплетен.

Байка звучала так.

Продвинутые ребята со второго курса решили подколоть девчонок в Международный бабский день. Для этого договорились насчет морга, украсили его шариками и цветами. Заранее скинулись баблом и накрыли студенткам шикарный стол. Шампанское, вино, дорогая водка, мясная и рыбная нарезки, вяленая колбаса, другие деликатесы.

После трех рюмок объявили, что у них есть главный сюрприз – в углу стоит каталка, а на ней лежит нанятый стриптизер. И с ним можно делать что угодно, он будет изображать труп.

Там действительно оказался очень фигуристый и красивый мужик, с автоаварии привезли.

Девчонки сначала просто так к каталке бегали, щекотали, за разные места дергали, а потом взяли да по очереди его изнасиловали. И даже не очень испугались, когда он ожил. Зато перепугались ребята. Они-то знали, что там лежал настоящий трупак.

А теперь всем грозит подсудное дело – некрофилия.

В очередную «Байку из морга» мало кто поверил, но дошел слухок, что из прозекторской действительно исчезло тело. Еще была взломана камера хранения и пропали какие-то вещи.

Но что случилось на самом деле, никто точно не знал. Серега рассказывал весело, ссылаясь на Ольгу и Леночку, а те при расспросах бледнели, Ольга так вообще крестилась. Хотя через два дня повышенного внимания она по секрету призналась, что действительно оживила труп, но боится об этом рассказать.

Ожидали расследования, но следователи студентов не расспрашивали.

В печати появилось несколько небольших заметок о странном происшествии в морге, а в одном медицинском журнале всерьез обсуждался феномен реабилитации людей, погибших или впавших в кому при несчастных случаях.

Так, при ударе молнией, пострадавшего закапывают в землю по пояс или по шею, в зависимости от повреждения. И самый яркий случай, имеющий отношение к казусу в морге, – когда замерзших в холодных водах моряков отогревают поварахи, фельдшерицы или иной женский персонал с помощью секса, причем именно в позе «наездницы». То же самое всегда практиковалось и практикуется у народов Севера, если человек замерзает.

С женщинами трудно определить, в какой стадии комы они находятся, а у мужчин их «центральный орган» может реагировать до последнего момента.

Три с половиной месяца до сессии прошли для Леночки в том же размеренном режиме, что и последние два года. С утра до вечера – занятия в институте. Редкие встречи с однокурсницами в кафе или пивнушке. Вечером – почти семейный обед с Семеном Аркадьевичем и Дусей. Два раза в неделю – секс по заранее обговоренным правилам. На ночь ароматная ванна или легкий душ и сон под работающий телевизор, который отключался автоматически.

Разговоры в институте Леночка слушала с болезненным интересом, но скоро они сменились на другие новости – из-за студента развелась преподаватель английского, за взятки привлекли к следствию ректора параллельного факультета, со следующего года студентам увеличат стипендию.

Молодость, безусловно, обладает волшебным свойством быстро отбрасывать все негативные впечатления, и девушке удалось забыть происшедшее.

Сессию Леночка и Ольга сдали досрочно и отправились домой на каникулы.

Ольга старалась ездить к родителям как можно чаще, благо до Касимова было всего пять часов на автобусе. Но Лена готовилась увидеть семью впервые за два года. Она была терпелива и непритязательна, но ее детские и подростковые воспоминания не отличались счастливыми и радостными моментами.

Двое старших братьев Лены встретили девушек на остановке, подхватили сумки с вещами. У Ольги она была одна, у Леночки – три.

В первый момент, увидев сестру, братья оробели. Она утратила свой виноватый взгляд и перестала выглядеть забитой. Дорогая одежда и объемные сумки намекали на подарки, и хамить сестре, как было раньше, не хотелось.

Дома Леночку встретили остальные братья, суровый, подвыпивший отец и растолстевшая мать.

– Как сдала сессию? – первым делом спросил отец.

– Я отличница, – сонно ответила Леночка. – Здравствуй, мама.

Девушка поцеловала мать, и та, отвыкшая от ласки, чуть не прослезилась.

– Кушать будешь? – засуетилась Мария. – Я тебе курочку по-быстрому разогрею.

– Поздно уже, – как отрезал, заявил Иван.

– Да, – согласилась Леночка, – поздно. Я после восьми вечера не ем. – Она повернулась к сумкам. – Вон та, поменьше, моя сумка, в двух других для вас подарки. Для тебя мама, сковородка, о которой ты мечтала, и две блузки. Для мальчишек джинсы и футболки, а тебе, папа, я купила новый магнитофон, а то твой шипит.

И мужчины, несмотря на позднее время, тут же ринулись разбирать сумки. Мать и дочь стояли в сторонке, наблюдали за «хозяинами».

Две недели Леночка и Ольга ходили в гости к школьным знакомым, в кино и кафе, которые здесь были в четыре раза дешевле. Заглянули даже в краеведческий музей – приколоться.

А потом, совершенно неожиданно для Леночки, Ольга, как-то по-особому поглядывая на

нее, объявила, что едет в Москву. Ей предложили новую подработку, и она не может упустить этот шанс.

Скандал разразился в воскресенье, когда Леночка, по заведенному распорядку, готовила обед. Она переставляла восьмилитровую кастрюлю с плиты на подоконник, и внизу живота как-то неприятно потянуло. Кастрюлю она поставила быстро и неловко, так что немного расплескался огненный борщ, и приложила ладони к животу.

– Я так и думала. – Мать, потягивающая пиво и чистящая чеснок, довольно отставила бокал. – Ты беременна. Откуда у тебя дорогие тряпки и деньги на поездку домой? Мы тебе не высылали. Нагуляла, шлюшка институтская.

– Не может быть, – испугалась Леночка.

– Ну как же не может? – Мария взяла следующую головку чеснока. – Грудь у тебя значительно увеличилась, и жопа здоровая. Живот образовался. Когда у тебя были месячные?

– Месячные? Давно.

Растерянный взгляд дочери окончательно укрепил Марию в ее подозрениях.

И, может быть, все бы обошлось, но в этот момент с рыбалки приехали отец и братья.

– Ваня! – Мария встала из-за стола. – Ты только не ори. У нас несчастье. Ленка дитя нагуляла, а у нас младшему всего десять лет, и я опять на сносях.

– Блядь! – Отец с ходу вlepил дочери пощечину. – Предупреждал же: до свадьбы никаких гулянок! Братьев бы постеснялась! Вон из дома!

За три недели Леночка сто раз хотела вернуться в Москву, но в профессорском доме жизнь была тоже не сахар: постоянный контроль, хуже, в чем в родительском. Утомительный, неприятный секс. Скучные, заумные знакомые Семена Аркадьевича. Многочасовые занятия и зубрежка по профессии, которую она еще не успела полюбить.

Но теперь все решили за нее, и это, как всегда, устроило Леночку.

Молча она сняла фартук, повесила на пластмассовый крючок, прошла в их с матерью комнату, взяла сумку, переоделась в босоножки и ушла из дома.

Наблюдая за дочерью из окна, Мария обернулась к мужу.

– Чего ты ее так, сразу... Может, она еще замуж выйдет.

– А ну ее, – Иван отмахнулся от жены. – Чужая она какая-то стала. Ходит по-другому, разговаривает грамотно, разбогатела. Чужая.

В Москву Леночка приехала в воскресенье. Своих ключей у нее не было, и она позвонила в профессорскую дверь.

Открыла ей не Дуся, а Ольга.

– Пронюхала, что я здесь? – сказала та неприязненно. – Ну, проходи.

Они сидели на кухне, за большим дубовым столом, обедали. Семен посматривал на прежнюю любовницу с сожалением, Евдокия с явным сочувствием, Ольга со скрытым торжеством. Уставшая от долгой дороги Леночка, почти засыпая, ковыряла вилкой в тарелке и покачивала ногой.

– Перестань, пожалуйста, – профессор отпил белого вина, – ты же знаешь, Лена, я не выношу плебейских привычек. Так ты скоро начнешь пить чай вприкуску и причмокивая. Ой, да о чем я... Поздно уже.

– Да, да, дорогой ты прав, – девушка опустила глаза в тарелку и вдруг решилась. – У меня для тебя есть новость. Я беременна.

Профессор побледнел.

– Я уже в курсе. Ты хочешь мне что-то сказать?

– Это твой ребенок, – неуверенно пробормотала Алена. – Я тебе не изменяла.

– Дорогая, мы прожили с тобой два года и ты ни разу не забеременела. Так? – Лена согласно кивнула. – Я бесплоден, так что мое отцовство исключается. – Голос профессора стал напряженным. – Ты догадываешься, от кого ребенок?

Закружилась голова, и Леночка положила руки на стол, чтобы не упасть.

– Господи, за что мне это? – прошептала она и посмотрела на домработницу.

Вздохнув, Евдокия перекрестилась.

– Грех уж больно срамной. Как же тебя угораздило?

Кивнув на Ольгу, Леночка взяла бокал с вином, жадно выпила половину.

– Подружка присоветовала и даже на каталочку помогла залезть.

– Чо? – возмутилась Ольга. – Я пошутила, а ты поверила. Я до него даже не дотронулась, видимость делала.

– Понятно. – Опустив голову, Леночка смотрела на тарелку с недоеденным салатом. – Хорошо, я перееду в общежитие. Аборт сделаю, мне ребенок не нужен. Буду, как Оля, жить рядом с институтом.

– Правильно Ольга говорит, ты абсолютная дура, – профессор отвернулся от бывшей любовницы и смотрел в окно, чтобы не видеть красивого лица и телячьего беззащитного взгляда.

– Ты погоди расстраиваться, – быстро заговорила домработница, – Аркадич, он умный, он придумает...

– Не встречай, Дуся! – Нирберг вытер салфеткой рот. – Да, Леночка, есть идея, которая может тебя спасти. По нашим... – он быстро взглянул на Ольгу. – По моим подсчетам, срок у тебя уже большой. Аборт можно делать только криминальный, а денег на него тебе никто не даст... Все-таки какая ты безалаберная, вечно за тебя нужно думать.

Лицо Нирберга исказило не то сочувствие к Леночке, не то недовольство от потери любимой игрушки.

Евдокия откровенно всхлипывала, настраиваясь на худшее. Ольга пила вино.

Леночка сидела безучастно, ждала, что же теперь будет.

– Тебе повезло, Леночка. Реанимационные работы в нестандартных ситуациях при наступлении комы – тема научной работы моего друга. Он, кстати, когда прошли слухи о ваших м-м-м... приключениях в морге, даже опубликовал пару дельных статей. Хотя он,

несомненно, человек увлекающийся и позволил себе несколько некорректных примеров. Да, о чем это я?

– О Петре Яковлевиче, – сердито напомнила Ольга.

– Да! Леночка, ты мне все-таки человек не чужой... была. И случай с тобой произошел уникальный. Короче, мы с Петром Яковлевичем Радужным решили сложиться деньгами и провести этот опыт... Будем наблюдать тебя, исследовать. После опубликуем совместную работу. И не одну.

– Я стану подопытной крыской?! – Девушка, не сдерживаясь, зарыдала. – Но я не хочу ребенка! Он мне не нужен! Я даже не поняла, от кого он!

– Преступная халатность, – нравоучительно заявил Нирберг, – я себе такого никогда не позволял.

На его заявление все три женщины промолчали, зная, что за свою профессорскую карьеру Семен Аркадьевич смог убедить «быть с ним ближе и ласковее» не один десяток студентов.

– Ты здесь, конечно же, не останешься, – продолжил Нирберг, – оформляем академический отпуск, и едешь в Химки. Мы тебе там присмотрели квартирку. Скромную, но чистенькую.

– А с кем вы ее присмотрели? – Лена стала успокаиваться и с интересом посмотрела на бывшего любовника.

– С-с-с... – Семен Аркадьевич посмотрел на уверенное лицо Ольги. – С Петром Яковлевичем, конечно.

– Спасибо, – искренно поблагодарила Леночка.

Если бы она в этот момент взглянула на Евдокию, то прочла бы по ее губам: «Действительно дура».

Химки – район большой. Одной стороной он примыкает ко МКАДу, другой уводит в сторону Московской области и скоро соединится с Зеленоградом. Немного осталось, километров десять.

В самом окончании Химок, перед лесами Зеленограда, Леночке сняли квартиру в хрущевском доме. Однокомнатная, двадцатиметровая, с окнами на помойку. Домашнего телефона не было, мусоропровод отсутствовал, бачок в туалете треснутый, ванная с ободранной эмалью. Зато свобода! Ее девушка оценила не сразу, не привыкла.

Меж тем ее жизнь постепенно налаживалась. Говорят, что чем труднее достался ребенок, тем его больше любишь. Леночке беременность не приносила никаких неприятностей. Не было ни токсикоза, ни головокружений, аллергий ни на какие продукты.

Раз в две недели она оправлялась не в районную женскую консультацию, а в пирацетальный центр, где сдавала анализы всего, чего можно, проходила УЗИ, в том числе и в 3Д-формате.

Из сокурсников к ней приезжали Серега с Катей. Вроде бы сочувствовали, но больше всего их привлекал борщ, приготовленный самой Леночкой, и блинчики с печенью, привозимые Евдокией.

Тетя Дуся ездила к любимице нелегально, Семен Аркадьевич этого не поощрял. Хотя Леночка пару раз замечала в Центре его фигуру за стеклянными дверями. Будь она

побоевители, может, он бы простил ее, но в доме профессора безраздельно главенствовала Ольга.

В очередной приезд Евдокия выставила на кухонный стол банки с едой и села на табурет.

– Силов моих больше нету, Алenuшка, заела меня твоя подружка. Обычно полюбовницы Аркадьича начинали наглеть только на второй год, а эта на второй месяц. Ой, наплачется с нею Аркадьич, ой устроит она ему сладкую жизнь.

– Ты мне лучше про нее не говори, – тихо попросила Леночка. – Она мне тут на днях звонила, хотела приехать, поболтать.

– Ага, поболтать. Хотела новых сплетен рассказать, да еще что-нибудь об Аркадьиче выпросить, чтобы его еще больше к себе привязать. Ты зачем ей про секс с профессором рассказала? Она ж его теперь крепко держит за эти, дай бог памяти, за яйца.

– Мне неудобно стало, Евдокия, они же квартиру оплачивают, питание.

– Они! – Яковлевич и Аркадьич, а не твоя профурсетка! Я тебя предупреждала! А ведь Аркадьич тебя единственную через два года не хотел менять.

Заплакав, Евдокия вытерла нос бумажным платочком.

Глава 5

На адаптацию в Греции Андрею потребовалась неделя. Все это время он, переживший клиническую смерть, утешал Александра, который тоже не поверил в инфаркт отца, зная о его прекрасном здоровье.

Самое печальное было в том, что Сашка не мог выехать в Россию, чтобы помочь матери с похоронами. Через подставных лиц он выслал денег и через них же обещал дальнейшую поддержку.

Андрей, читавший прессу, следя за статьями о гибели Бориса Ивановича, не нашел сообщений о своей смерти. Тишина стала понятной, когда появились публикации о полумистическом случае в морге. Вопрос рассматривался только с одной стороны – оживление. Куда девалось тело после воскрешения, никого не волновало.

Прошла неделя-другая, и все успокоилось. Нужно было продолжать жить.

Если Андрея интересовал вопрос бизнеса сам по себе, из спортивного желания добиться наилучшего результата, то Гена и Саша должны были кормить семьи.

Бизнес в Греции кардинально различался с бизнесом в России. Но к хорошему привыкаешь моментально, и друзья, закаленные в экономических боях законодательной неразберихи, в ведении двойной и тройной бухгалтерии, в умении строить многоступенчатые схемы, легко вписались в новый бизнес.

В каждой стране есть основополагающая сельская культура. В Китае – рис, в Белоруссии – картошка, во Франции – виноградники, в России – хлеб, в Греции – оливы.

Деревья росли, как в России яблони в совхозах, – ровными рядами. Ухоженные, подстриженные, побеленные и подвязанные сетками, дабы при ветре не ломались ветки, но, главное, чтобы плоды не клевали птицы.

Урожай свозили на завод, сушили, сортировали по размеру и спелости. В зависимости

от сортировки часть употреблялась для отжима масла, другая консервировалась в стеклянных или жестяных банках. Особого внимания требовали большие, увесистые маслины, их паковали в специальные коробки и рассылали в северные страны, чтобы реализовывать в ресторанах и крупных универсамах.

Жмых и отбраковка шли на удобрение все тех же оливковых деревьев и других сельскохозяйственных культур.

В такой бизнес вступили и трое друзей.

Качественное оливковое масло – продукт дорогой, в России большим спросом пользоваться не может. Политику и экономику великой родины все еще трясло от переворотов и революций, и от этой тряски деньги оседали в карманах и на счетах очень небольшого количества людей. Большинство населения оказалось в нищете.

И тогда три товарища ввели на заводе новую линию по разливу масла. Она занималась исключительно дешевым маслом третьего отжима, к тому же слегка разбавленного. Пятилитровые банки пошли в России на ура. На нем жарили и парили недорогие блюда в заводских столовых, в придорожных кафе и в пирожковых забегаловках.

Как обычно, через два месяца стабильного бизнеса Андрей заскучал. Вечера он проводил то в клубах, то в гостях у Гены и Саши. Однако и это не слишком развлекало его. Счастливая семейная жизнь штука хорошая для самой семьи, а вот наблюдать за ней со стороны – занятие скучное, и Андрей, попив пивка, уходил часов в девять вечера.

Периодически Андрей знакомился в клубах с девушками, но Греция – страна патриархальная и на близкий контакт шли редко. Приходилось пользоваться своими соотечественницами, украинками и грузинками, которые валом валили за границу в надежде выйти замуж или, на худой конец, заработать денег.

Встречаться больше двух раз с девушками у Андрея не получалось. Как только они узнавали, что у него в Греции успешный бизнес, а также хоть и небольшая, но вилла, потенциальные невесты становились приторно внимательными, то есть назойливыми.

Гена и Саша, обжившиеся в своих домах, стали больше интересоваться здешней системой образования. Их дети занимались в детском садике, работающем полдня и дававшем не столько свободу их мамам, сколько начальное образование. Жены друзей стали активно изучать язык и осваивать систему скидок в магазинах.

Но Андрей так быстро перестроиться не мог, его постоянно тянуло в Россию. Он выписывал все центральные газеты и настроил в телевизоре российские телепрограммы.

* * *

Утро начиналось с овсяной каши и сладкого чая с лимоном. Затем Леночка не спеша шла в магазин, покупала что-нибудь свеженькое: молоко, фрукты, газеты. Выходить из дома она старалась каждый день.

Было странно жить одной и делать то, что хочется. Обычно девушка подчинялась чужой воле или обстоятельствам, а теперь все зависело только от нее самой. Требовалось только следить за своим здоровьем.

Один раз она набралась смелости и вечером поехала в театр Ленком. Была среда, но народу оказалось много, полный зал. Давали «Женитьбу Фигаро» Бомарше. Леночка получила огромное удовольствие. И теперь каждую среду она стала ездить в театр или ходить в музеи и на выставки.

К своему удивлению, девушка с особым вниманием присматривалась к мужчинам. Ее

раздирало желание заняться сексом. Объектом вождления становились и молодые парни, и мужчины в возрасте. Главное, чтобы они не были похожи на Нирберга и не имели живота.

Но мужчины обходили Леночку стороной. Чем она их отпугивала, девушка не понимала и винила во всем свою изменяющуюся фигуру.

С пятого месяца беременности начал активно расти живот, увеличилась грудь и проснулся зверский аппетит.

С ужасом глядя на себя в зеркало, Леночка смирилась с тем, что полгода как минимум спать с мужчиной ей не придется. Был бы муж, он бы постепенно привыкал к изменениям в фигуре супруги. Но кто прельстится ею, растолстевшей и пузатой? Только извращенцы.

Иногда она просыпалась с надеждой, что никакой беременности нет, все рассосалось само собой.

Ну почему миллионы женщин мечтают о детях, лежат в больницах, усыновляют и удочеряют сирот, а у нее нежеланный ребенок и беременность протекает идеально, даже токсикоза нет.

В минуты, когда Леночка подумывала о том, чтобы перечитать учебник по гинекологии для того, чтобы избавиться от плода, ее живот сжимался, и непонятный голос не то души, не то совести, бубнил: «Не смей, не имеешь права. Не любишь – не люби, но дать жизнь ты обязана».

Однажды позвонила мама. Ей почему-то захотелось навестить дочь.

– Мама, только не говори, что соскучилась, – ответила Леночка.

– Соскучилась, доча, – голос матери звучал устало, – с отцом все время ругаемся, мальчики меня не слушаются. А тут путевку от отдела образования выдали, бесплатную, в пансионат в Пятигорск. Ехать все равно через Москву, я и хотела по пути к тебе в гости заскочить, может, какое-нибудь красивое платье мне дашь.

– Мама, – Леночка даже прикрыла глаза, сдерживая чувства. Ей тоже очень захотелось увидеть маму, – я переехала обратно в общежитие, мне даже негде тебя принять. Нас здесь пять человек в одной комнатухе. Но я могу встретить тебя на вокзале. И платье привезти, и свитер, и обувь.

Они договорились о времени встречи.

Стоял морозный ноябрь, и Леночке пришлось перешивать пуговицы на дубленке, чтобы она сошлась на животе и груди.

В назначенный день, собрав в сумку вещи, которые она надевала только несколько раз, девушка поехала на Казанский вокзал. Дорога заняла два с половиной часа, и Лена опоздала к прибытию поезда на десять минут.

Мама стояла на пустой платформе. В дешевеньком пальто, обрюзгшая, не накрашенная, она смотрелась несчастной пожилой женщиной.

– Мама, – девушка обняла ее, поцеловала, – ты что такая бледная?

– Плохо себя чувствую. Мне же путевку по болезни дали. Как ты? Как беременность? Я с тобой в свое время ой как намучилась, а с мальчишками легко ходила.

– Я тоже легко хожу, и тоже мальчик. Я тебе тут вещи набрала, красивые и модные. –

Она протянула пакет. Мать смотрела на нее не отрываясь. – Ты чего, мам?

– Мало я тебе внимания уделяла, все на Ваньку оглядывалась. А зря. Чужая я теперь и мужу, и детям. Какая же ты, Леночка, красивая. Надо было тебя больше баловать. А за ребенка ты не беспокойся. Когда родишь, я к тебе перееду, помогу. В Касимов его не отправляй, отец со света сживет.

Не сдержавшись, Аленка еще раз поцеловала мать.

– Как будет, так и будет. У тебя когда поезд на Пятигорск?

– Вечером, с Курского вокзала. Проводишь меня? А то я могу заплутать в метро.

Проводив мать до поезда, Алена помахала ей.

Возвращалась она еще дольше – три часа. Приехала в квартирку уставшая и расстроенная.

Вечером, неожиданно для себя, Леночка достала почитать не любовный роман или детектив, а учебник по общей терапии. Она поглядывала то в телевизор, то в книгу. Так учиться было гораздо интереснее. Никто ее не подгонял и не контролировал, как это обычно делал Семен Аркадьевич.

Впервые Леночка улыбнулась, представив, как реагирует Ольга на контроль профессора, какие у нее напряженные отношения с Дусей, которая исподтишка наверняка по-своему мстит ей.

После шестого месяца Леночка стала реже ездить в Москву, сил на театры и музеи не хватало. У нее был необычно большой живот, и она боялась, что, несмотря на показания УЗИ, родится двойня. Но Петр Яковлевич успокоил, что у нее многоводие.

– Ничего страшного, просто будет крупный ребенок. Вот, возьми.

Взяв конверт с деньгами, успокоенная Леночка вернулась домой, к учебникам.

Теперь тетя Евдокия приезжала каждую неделю. Сидела с утра до обеда, помогала убирать квартиру и готовить еду.

Сейчас она выгружала продукты, привезенные из дома, в холодильник. Для «навешания» Леночки она снимала свое вечное домашнее платье и переодевалась в праздничное.

– Так-то она аккуратная, ничего не скажу. Но весь дом держать не может, то есть не хочет. А чего я должна за нею убирать? Не королева, сама пусть в спальне полы моет да тюль стирает. Ты вот, Аленушка, в отдельной комнатке спала, а она из постели Аркадьича не вылезает – боится, что он отвыкнет. Хозяин, смотрю, все чаще на работе да с друзьями засиживается, домой не спешит. Верный признак: скоро он ее погонит. На своем веку вас знаешь сколько навидалась? Но такой чучундры, как Ольга, не видела. А ты, наоборот, самая тихая. Ты какой сегодня супчик хочешь?

– Вермишелевый на молоке. Раньше терпеть его не могла, а теперь по две тарелки съедаю.

Мальчик родился здоровенький, три килограмма шестьсот граммов, ростом пятьдесят два сантиметра. День рождения – двадцать первого ноября. Дата странная. Ни скорпион, ни стрелец. Астрологи уверяют, что знаков зодиаков не двенадцать, а тринадцать, и несколько дней в ноябре как раз приходятся на знак Змееносца. У него свои особенности – и хорошие, и плохие, смотря как и куда повернет судьба.

В центре гинекологии Леночка провела месяц – Петр Яковлевич и другие специалисты

наблюдали за здоровьем ребенка.

На общем совете было решено назвать ребенка Славой – слава богу, что родился.

Кто-то из медицинского персонала решил заработать или сам Яковлевич расстарался, но вокруг Лены и Славика опять поднялась шумиха. На острожные замечания медиков, что ребенок родился от человека, впавшего в кому, вся желтая пресса и даже некоторые телевизионные каналы с удовольствием вещали: «Совершенно здоровый мальчик родился от покойника!!!»

Грудного молока от Леночки так и не дождалась. Она сознательно не сцеживалась, не желая вызывать лактацию, и через несколько дней молоко перегорело.

Когда Славочку первый раз стали перепеленывать, Лена увидела около пупка, который осторожно обрабатывала студентка-сиделка, странную родинку, похожую на паучка.

«Еще и меченый», – подумала она.

Мальчик был миленький, молчаливый... и не родной. Не ощущала она в себе тех чувств, которые должны быть у фанатично любящих матерей.

Из роддома Леночку забирали Евдокия, Нирберг и Петр Яковлевич. Довезли до квартирki на машине, и тетя Дуся осталась помогать на три дня. Семен Аркадьевич вообще не хотел уезжать, но Ольга звонила каждый час, требовала возвращения.

Через три дня Леночка осталась одна. За прошедший месяц она практически не притрагивалась к ребенку. Сначала его на неделю поместили в барокамеру и ухаживали за ним медсестры, а после три раза в день заходила медсестричка и помогала ей пеленать и купать ре-бенка.

Проводив Дусю, Лена надеялась выспаться, но, обычно такой спокойный, Славик ночью просыпался и плакал, требуя чего-то. От еды он отказывался, подгузники были сухими, а соску он выплевывал. Наверное, его нужно было покачать на руках, но Алена не смогла этого сделать.

Через неделю она научилась менять подгузники и кормить ребенка по расписанию. Особенно ей нравилось гулять. Сидишь во дворе, читаешь роман или учебник. Тишина. Никто нервы не треплет. А там, глядишь, кто-нибудь приедет в гости. Дуся не считается, она ездила через день.

На смотрины приезжали однокурсники. Они дарили подарки, напивались под манную кашку, делились впечатлениями детства и, если не забывали заглянуть в кроватку, хвалили Славика за красоту и спокойствие.

Но Новый год Леночка встречала одна, вернее со Славой. Было завидно слышать из-за стены застольные песни и веселые крики, видеть за окном фейерверки и разноцветные петарды. Лена проплакала полночи, пока не заснула.

Не видели мальчика только два таких близких, правда, в далеком прошлом, человека. Ольга и мама. С Ольгой Леночка не хотела встречаться ни в коем случае, а до мамы не могла дозвониться вторую неделю.

Ей позвонил отец и будничным пьяным голосом сообщил, что мама Мария умерла в больнице от рака, о котором не говорила дочери. Сегодня были похороны. И лично он дочь больше видеть не хочет. Это она, Леночка, довела мать до болезни своим позорным поведением.

После звонка из дома депрессия Леночки достигла предела. Не хотелось жить.

Оставив ребенка дома, она сходила в аптеку и купила снотворных таблеток, которые ей выписал Петр Яковлевич, и бутылку водки.

В квартире молодая мама застала Дусю.

– Ты чего же дите одного бросила? – спросила та, гремя на кухне кастрюльками.

– У меня мама умерла.

Пройдя в комнату, Леночка поставила на стол бутылку и только потом пошла раздеваться.

Дуся заночевала в Химках. Женщины пили водку и до двух часов ночи жаловались друг другу на жизнь.

Утром неожиданно позвонила Ольга.

– Слушай меня внимательно, королева из-под Рязани. Не родись красивой, а родись счастливой. Скоро закончится твоя лафа. Я, кажется, уломала Нирберга, и мы усыновим твоего ребенка. А с квартиры ты съедешь и денег больше получать не будешь. Не хрена мои денежки тратить.

– Ты чего побледнела, – Дуся вышла из ванной, вытираясь полотенцем. – Курва, что ли, звонила?

– Она. Предупредила, что ребенка заберет Нирберг и что мне нужно съезжать с квартиры.

– Дела-а. – Дуся заглянула в кроватку. – С жильем я никак не помогу, сама приезжая, а в общежитие тебе не вернуться. Ненавидит тебя Ольга. Завидует красоте твоей и тому, что Аркадич забыть тебя не может... Ай ты мой красавчик, Славочка.

Глава 6

За прошедшие полгода Андрей решил не только расширить бизнес, но и стать менее зависимым от Гены и Александра. Просчитав возможный риск, прибыль и то, что обстановка в Российской Федерации постепенно все-таки стабилизируется, он начал экспортировать оливки и маслины не в банках, а на развес, а также местную водку и вина.

Друзья Андрея поняли и поддержали. Они сосредоточились на оливах и купили пять гектаров оливковых деревьев.

Для контроля и новых контрактов необходимо было ехать на родину. Из соображений безопасности хотели командировать управляющего заводом – Софокла Папилоса. Он учился в Саратове на инженера-технолога и бегло говорил на русском языке. Грек с удовольствием готовился к поездке, но, как всегда, вмешалась судьба.

Просматривая за завтраком газеты, Андрей увидел статью о младенце, которого нерадивая мамашка родила от покойника. Осталось отсчитать девять месяцев от восьмого марта и получить точную дату рождения мальчика.

За две недели набралось много материалов, в том числе и исследования профессора Петра Яковлевича Радужного. Внимательно их прочитав, Андрей решил, что к его ребенку это не имеет отношения. Он сам заставил себя впасть в кому, и серьезных повреждений в его теле на момент соития не было.

Через месяц он решился.

На совместном субботнем пикнике на вилле Геннадия, когда детишки друзей бегали по газону, играя в войнушку, а жены раскладывали по тарелкам салаты, Андрей разлил по бокалам граппу и подал выпивку друзьям. Гена и Саша сидели в шезлонгах, греясь на осеннем солнце.

Встав перед ними, Андрей улыбнулся.

– Ребята, в Россию полечу я.

– И с чего это? – лениво спросил Гена, наблюдая за своими детьми – мальчиками трех и пяти лет. – Софокл хотел навестить в России свою студенческую любовь.

– Навестит за свой счет, а не фирмы. Я стал отцом...

– Святым духом, что ли? – оживился Саша. – Или по Интернету?

– Я вам не говорил, все выглядело слишком странно и нереально. Короче, в последнюю ночь перед побегом я оказался в морге.

– Эту хохмочку мы помним, – перебил Гена, – ты ближе к отцовству.

– Так вот, там меня изнасиловали две девушки. На второй я не смог притворяться покойником, так сказать, ожил и кончил.

– Ма-лад-ца! – восхитился Саша. – В любое время, в любом месте. Ролевые сексуальные игры отдыхают. А чего ты всполошился? Анька! – неожиданно закричал он. – Отпусти Вадика, он же младше тебя! Не бей!

– Вот видишь, – Андрей качнул бокал в сторону лужайки с детьми. – А мне играть не с кем. Короче, я еду за сыном. Заберу его сюда. И сам проконтролирую все наши контракты.

На оформление бумаг по сделкам и въездной визы ушло две недели.

В Москву Андрей прилетел вечером, ближе к ночи. Заплатив большие деньги, добрался до центра города и снял номер в гостинице. Спал в эту ночь плохо, думал, по каким каналам будет вычислять адрес той ненормальной, что от него родила. Вопросы по контрактам его волновали гораздо меньше.

Еле дождавшись утра, Андрей отправился в медицинский институт, где работал Петр Яковлевич Радужный.

Разговор у них был недолгий. Петр Яковлевич немного расстроился, что впавший в кому пациент не умер. Но, с другой стороны, уникальный случай уже вошел в его диссертацию, и судьба Леночки его интересовала только с научной стороны. А тут такой подарок – объявившийся папаша готов взять мальчишку себе.

– Как мне найти сына? – спросил Андрей.

– Очень просто, – обрадовался Радужный. – Она живет где-то в Химках... не помню, где именно, был там только один раз, когда мы привозили Леночку из роддома. За рулем сидел Сема, так что я дорогу не запомнил.

– А давайте-ка я его навещу. Уточню адрес.

Просчитав в уме все варианты, Петр Яковлевич решил, что с молодого человека, решительно настроившегося на усыновление, можно содрать неплохие деньги.

– Тысячи долларов хватит? – понял сомнения доктора Андрей.

– Маловато будет. Мы квартиру оплачивали, питание. Сейчас содержим.

– А хотите, чтобы вышла публикация с генетическим доказательством, что труп – это я, вполне живой человек? А я расскажу, что не был в коме, а просто подшутил над студентками. В одной газетной статье была такая версия.

Петр Яковлевич побледнел. Ему так нравилось находиться в центре внимания коллег и совсем не хотелось осложнений...

– Давайте тысячу. А адрес Леночки я действительно не знаю. Вам придется ехать к профессору Семену Аркадьевичу Нирбергу.

Дверь открыла пожилая круглая тетка. На ней было темное длинное платье и яркий передник в оборках.

– К профессору, молодой человек, без звонка не приходят, – и она попыталась закрыть дверь.

– Я по поводу Лены и ее ребенка.

– А журналистов мы вообще не любим, – посуровела женщина и опять потянула дверь на себя.

Не дослушав, Андрей отодвинул ее и шагнул в квартиру.

– Мне очень срочно. Где профессор?

– Аркадьич! К нам кто-то вперся! Вас спрашивают!

Андрей прошел по коридорам, заглядывая во все комнаты.

Профессор лежал на диване в гостиной и с первого взгляда не понравился Андрею.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Звонарев. Я приехал, чтобы узнать адрес моего сына, которого родила ваша близкая знакомая, Леночка.

Чтобы выглядеть солиднее, Нирберг встал с дивана и пересел в кресло.

– Я не обязан вам верить, молодой человек. В роддоме в палату к Леночке ушлые журналисты и под видом медсестер проникали, и под видом родственников. А вы из каких будете?

– Я из морга. Она от меня родила.

Андрей снисходительно рассматривал пожилого молодящегося мужчину.

– И такие объявлялись, деньги требовали. Я вызываю милицию. Не шучу.

Ощувив исходящую от профессора волну ненависти, Андрей наклонился к креслу и посмотрел Семену Аркадьевичу в глаза. И заговорил медленно, чуть покачивая головой:

– Ты от меня зависишь, ты боишься меня и, чтобы не было неприятностей, говоришь мне адрес Елены.

Раскачиваясь в одном ритме с Андреем, Нирберг прикрыл глаза.

– Она живет в Химках, на улице...

Выходя из квартиры, Андрей столкнулся с домработницей.

– Слышь, папаша новоявленный, ты давай, поспевай. Она только что звонила, просила меня приехать, чтобы я ребеночка забрала, а то она собирается таблетки пить. Нервов, вишь, у нее на нелюбимое дитя не хватает. Или подожди, я с тобою поеду.

Андрей на секунду растерялся, но тут же взял себя в руки.

– Нет, я думаю, что смогу справиться сам, – возразил он.

Со стороны кабинета послышался протяжный голос.

– Ду-у-уся. Мне пло-о-хо!

– Ну, езжай тогда. Чего встал? Иди, я за тобою дверь закрою.

Андрею казалось, что у двери в квартиру Лены он стоит не меньше получаса, он уже подумывал о том, чтобы взломать дверь. Для контроля еще раз нажал на кнопку звонка и прислушался.

В квартире послышались детский плач и какая-то возня. Затем дверь открылась, у него даже не спросили «кто там?». На него смотрела девушка в ситцевом халате, с распущенными волосами, босая.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу.

– А где тетя Дуся?

– Я за нее.

Андрей вошел в квартиру.

– А вы кто? – спросила Леночка, равнодушно глядя на гостя.

– Отец твоего, вернее, моего сына.

Реакция на его слова была не такой, какую Андрей ожидал. Девушка смотрела на него большими коровьими глазами и моргала, мало чего понимая. И тут он догадался, что она действительно что-то приняла. Разговор о таблетках оказался не просто угрозой.

Андрей, захлопнув входную дверь, прошел в комнату. На столе лежала пеленальная подушка. Чуть сбоку, рядом с тарелкой с недоеденными пельменями, стояли детские бутылочки с соками и кашей, бутылка минеральной воды и лежали пупырчатые упаковки таблеток. Одна из них была пустой.

Андрей оглянулся на Лenu. Ее взгляд уже стекленел, теряя осмысленность. И в этот момент Андрей понял, что ему совершенно не жалко эту женщину. При живом малыше позволить себе уйти от проблем – эгоизм высшей пробы.

– Иди в туалет и постарайся вызвать рвоту.

Послушно повернувшись, Лена вышла из комнаты.

Детская кроватка стояла в углу. Сторона, где обычно располагаются прутья, была завешена теплой пеленкой.

На всю жизнь Андрей запомнил те несколько шагов, которые он прошел к своему сыну. Он не знал, что его ожидает, как выглядит его сын, есть ли у него отклонения, не уродлив ли он. И вместе с тем чувствовал, что уже любит его. Любого.

В кроватке под теплым одеяльцем, в байковом чепчике, в распашонке с закрытыми ручками лежал младенец и смотрел на Андрея большими темно-синими глазами. Мальчик был необычайно красив. У Андрея возникло непреодолимое желание взять его на руки. Он поднял одеяло, и ребенок задрогал ножками, замахал ручками, закричал.

– Ему пора есть. Сейчас дам бутылочку...

Андрей обернулся. Лена стояла в проеме двери. Бледная, равнодушная, мокрая после умывания.

– Ты не кормишь грудью?

– Нет. Молоко сразу перегорело. Он сначала был очень спокойный, а теперь все время плачет... Я уже не помню, когда спала три часа подряд.

Малыш в кроватке кричал все сильнее и, сморщившись от обиды, что на него мало обращают внимания, заплакал.

Не сдержавшись, Андрей взял его на руки и прижал крохотное личико к своей щеке. Мальчик тут же успокоился, засопел и сделал чмокающее движение. От ребенка пахло молоком и тем необычным запахом, которым пахнут только родные дети.

– Где его еда? – спросил Андрей, не в силах отпустить малыша с рук.

– Вот.

В его правую руку Лена вложила бутылочку с теплой смесью.

Удобнее устроив сына на левой руке, Андрей поднес бутылочку к роту малыша. Тот моментально засопел, смешно поглощая смесь. Он старательно пытался, высасывая кашку из бутылочки.

Никогда до этого Андрей не испытывал того блаженного чувства, которое ощущал сейчас. Он, желая поделиться своим счастьем, глянул на Леночку... та сидела на своей кровати и спала.

– Как ты его назвала? – без сожаления разбудил он вопросом мамашу.

– А? – Очнувшись, Лена посмотрела на Андрея мутным взглядом. – Назвали Славой, от «Слава богу, что родился». А я вас совсем не помню. Наверное, потому, что старалась забыть ту ночь... Я спать хочу.

– Спи, я посмотрю за ребенком.

Он ходил по комнате с сыном на руках не меньше двух часов, никак не мог переложить его в кроватку, не хотел расставаться.

Подойдя к окну, взглянул на сумеречную заснеженную улицу, на укрытую сугробом помойку, на черные голые деревья.

«Здесь и свихнуться недолго, – подумал Андрей. – Моему сыну здесь не место».

Славик на руках выпустил бутылочку со смесью, немного срыгнул и вдруг стал краснеть. Сначала Андрей перепугался, потом понял, что малыш тужится, освобождая место для следующей порции еды. Сделав дело, он удовлетворенно вздохнул. Распространился запах, похожий на запах подгнившего апельсинчика, но никак не на миазмы от взрослого мужика.

Андрей положил малыша на пеленальную подушку, развернул и снял подгузник. Вытирая попку приготовленной салфеткой, он увидел около пупка малыша небольшое родимое пятно в виде маленького паучка. Он тут же вспомнил деда, у которого было точно такое же... и отскочил от фонтанчика, которым его приветствовал сынок. Андрей громко рассмеялся.

К ним подошла заспанная Леночка, в том же самом халатике, со спутанными волосами.

– Что здесь происходит? – поинтересовалась она, зевнув.

– Мы пишем.

Алена завернула на ребенке подгузник, запеленала.

– У тебя ловко получается.

Посмотрев на Андрея большими глазами, Леночка передала ему сына.

– Ты откуда такой чистенький нарисовался? Ты приехал к своему сыну. Облагодетельствовал. А меня через неделю из квартиры выгоняют, сына Нирберг забирает, а мне деваться некуда, нигде не ждут. Ни в институте, ни в родном доме. Остается либо на панель, либо на рынок торговать за копейки и жить в комнате на шесть человек.

Заплавав, Леночка села обратно на диван.

– Я не законченная сволочь, хоть и равнодушна к этому ребенку. – Она вытерла слезы.
– И я совершенно не понимаю, что мне делать дальше. Я поплюю, мне плохо.

Переночевал Андрей в квартирке Лены, сидя в старом кресле и накрывшись своей дубленкой. Славик за ночь проснулся всего один раз и после порции каши заснул опять.

С утра смотреть на Леночку было неприятно – с кругами под глазами, с нечесаными волосами, потная, неумытая. Она производила впечатление спившейся побирушки. Оставлять с нею ребенка Андрей не хотел совершенно.

– Сколько осталось до конца аренды этой конуры?

– Две недели. – Лена зевнула. – А вы что, уезжаете?

– Только до вечера. Ты давай, приводи себя в нормальный вид и ухаживай за Славиком. Я попытаюсь договориться насчет няни и твоего перевода в другой институт. Ты в какой хочешь?

Удивленно посмотрев на Андрея, Леночка пожала плечами. Ее вообще-то редко спрашивали, чего она хочет.

– Мне все равно. Но раз уж я учусь в медицинском...

– Отлично, попробую спросить знакомых из Питера.

Андрей знал, к кому ему ехать за помощью. В Москве жила родная тетушка Гены, Алла Леонидовна, дама бездетная и энергичная. В прежние годы занималась тем, что «доставала» продукты и вещи, а теперь она всех «устроивала». Нашла контору по распространению бесплатных билетов в театры и на концерты, вышла на Дом кино, где проходили кинофестивали, нуждающиеся в зрителях, которые не храпят и не выходят посередине сеанса.

Предварительно позвонив из уличного автомата, который «сожрал» плату, как за три звонка, Андрей отправился к ней.

Открыв дверь, Алла Леонидовна секунду рассматривала Андрея.

– Чего ты так долго? Коньяк привез? – Одетая в льняной брючный костюм, женщина легко поцеловала его в щеку, чуть приподнявшись на цыпочках.

Разговаривала она как будто Андрей вышел в магазин и немного задержался. Хотя они не виделись два года.

Зная вкусы Гениной тети, Андрей запасся коньяком, бужениной, свежим хлебом и баночкой красной икры на полкило.

Захлопнув за собой дверь, он шел за Аллой Леонидовной, а та весело цокала каблучками домашних шлепанцев и говорила, говорила, не слушая его.

– Что за проблемы могут быть в Москве после Греции?

– У меня сын... – начал объяснять Андрей.

– А у Гены двое. Ладно, шучу. Генка звонил и рассказал твою кладбищенскую историю. Я уже все продумала. Те десять дней, что ты проведешь в России, будешь жить у меня вместе с младенцем. Приходящей няней станет Зина, она была в нянях у Генки. Здорово я придумала?

– Здорово. Но есть еще одна проблема.

– Ополосни руки и садись. Сегодня будем общаться и пить коньяк. – В пять минут тетушка организовала бутерброды с сырокопченой колбасой, ветчиной и икрой. – У тебя какой коньяк – средненький или дорогой?

– Обижаете, Алла Леонидовна, дорогой.

– Тогда лимончик к нему не нужен. Разливай. А что за вторая проблема? – тетушка поставила на стол пузатые бокалы.

– Нужно перевести студентку из Московского медицинского института в Питерский. Это та... которая родила мне сына.

– Тоже мне проблема. Сейчас позвоню, и мы можем расслабиться. – Она подняла бокал. – Твое и мое здоровье.

– Поддерживаю тост.

* * *

За неделю Алене оформили документы, и она перевелась в Петербург.

Больше Леночка и Андрей не встречались. А ведь возможность нормальной жизни была. Если бы Леночка не накачалась таблетками, а Андрей был бы более снисходителен к слабостям людей и особенно женщин... Кто знает, как повернулось бы колесо судьбы?

До низкого неба, казалось, можно было дотронуться рукой. Старинная архитектура мрачных домов, проступающая сквозь мокрый снег, с фигурами атлантов и кариатид иногда пугала.

Обосновавшись в общежитии института, Леночка тут же пошла устраиваться на работу, хотя Андрей дал ей денег на первое время.

Занятия в институте для нее начинались только с нового учебного года, но благодаря протекции Аллы Леонидовны девушке разрешили заселиться уже сейчас.

Новые подружки, поняв, что у Леночки есть деньги, старались вытащить ее то в Мариинку, то в Большой драматический, то в Эрмитаж, то в Русский музей. Но чаще всего звали на институтскую дискотеку – потанцевать, выпить и познакомиться с кем-нибудь, кроме студентов медицинского.

Все это было Леночке совсем не нужно. Она чувствовала себя гораздо старше однокурсниц. Именно теперь, когда ребенка больше не было рядом, она начала жалеть, что отдала его.

Работа в больнице не радовала. Ее поставили медсестрой в процедурный кабинет. После сотни уколов в попы разной степени упругости и волосатости, после серых лиц в гулких коридорах больницы с высоким потолком и облезлыми стенами она стала наливать себе вечерами рюмочку-другую водки, пока соседок по комнате не было дома. Если были – бежала в душевую.

К весне Лена выпивала уже бутылку. Стала неряшливее в быту и равнодушнее на работе.

Леночка тосковала. Иногда ей казалось, что она разговаривает с сыном, хотя этого не могло быть, ведь ему едва исполнилось полгода и находился он далеко-далеко. Но она явственно слышала его голос в своей голове:

– Так случилось... Мы не будем вместе... Никогда...

Глава 7

Спасло Леночку первое настоящее чувство: в больнице она заметила необыкновенного парня. Среднего роста, стройный, симпатичный, обаятельный. Он стоял в центре группы студентов, пришедших на практику, и рассказывал анекдоты. Алена почувствовала в этом юноше столько жизни, что сама подошла к компании...

– Илья, – он неожиданно обернулся и протянул руку.

– Алена, – от прикосновения его пальцев у нее задрожал голос.

Компания с интересом наблюдала за ними. Леночка и Илья не замечали никого.

– Ты когда заканчиваешь работу? Я подожду тебя, – сразу предложил он.

Они расстались на два часа, потом встретились.

Илья вырос в семье потомственных ленинградских врачей. О выборе профессии даже не шла речь, все получилось само собой.

Его воспитанием в основном занималась бабушка, всю войну проработавшая хирургом в блокадном городе. Она отличалась выдержкой и твердым, мужским характером. Обычно она не вынимала папиросу «беломорину» изо рта. Илья же, в первом классе попробовав курить, на всю жизнь проникся отвращением к этой пагубной привычке.

Именно бабушка, а не родители, привила ему любовь к медицине и к людям. Бабушка терпеть не могла невестку и часто забирала внука к себе домой. Жила на одну пенсию, у сына денег не брала, так что баловать мальчика не было возможности, да она и не собиралась. Жили они дружно: бабушка в единственной комнате, а Илья в кухне, размером почти не уступавшей комнате.

В институт он поступил сразу и учился легко.

Студенческая жизнь отличается, помимо занятий, ежедневными изменениями ситуации, многочисленными знакомствами и частыми романами. Илья почти не пропускал занятия, но не отказывался сходить на дискотеку или кинопремьеру с однокурсницами. Но настоящего, серьезного романа у него пока не произошло.

Алена стала его первой женщиной... Это произошло через неделю знакомства, в общежитии института.

Бабушкину квартиру к тому времени Елизавета Юрьевна, мать Ильи, прибрала в свои цепкие руки. Свою средненькую двухкомнатную и отличную свекровину она обменяла на одну четырехкомнатную.

Так что для того, чтобы побыть с Леночкой наедине, Илье пришлось сбежать с занятий, когда у Алены выдался выходной и не было соседок по комнате.

Они не вылезали из кровати до вечера. Илья влюбился сразу и навсегда, а у Лены постепенно прекратились пьяные вечера с самоистязаниями за то, что отдала родного ребенка.

Семья Ильи девушку не приняла. Лену невзлюбила свекровь – Елизавета Юрьевна. Свекр, Генрих Самуилович, во всем слушался жену и тоже с подозрением посматривал на Алену. Бабушке, которую так любил и уважал Илья, ко времени знакомства с невестой внука исполнилось восемьдесят лет, и она, одряхлев, старалась не перечить невестке.

Для Алены было пыткой сидеть по воскресным дням на семейных обедах в доме Ильи и чувствовать осуждающие взгляды его родителей. Она, что называется, «не так сидела, не так ела, не так дышала».

Влюбленный Илья родителей не слушал. Он знал, что без Леночки не будет счастлив. Они втайне от родных поженились в конце лета. Свадьба гремела на три этажа общежития. Девчонки, соседки Леночки по комнате, устроили в коридоре длинный стол, и все желающие, в основном голодные студенты, заходили и, под рюмку водки, поздравляли молодых, закусывая немудреной, но обильной закуской.

Молодожены стали жить на съемной квартире, неподалеку от института и больницы.

Не зная, что сын уже женат, Елизавета Юрьевна предполагала, как будут развиваться события.

– Сейчас она забеременеет и женит тебя на себе.

Но как раз с беременностью у Леночки возникли проблемы. Она была уверена, что бог в наказание за то, что она отдала Славу, больше не посылает ей детей.

О женитьбе сына Елизавета узнала, проведя генеральную уборку в их съемной квартире. Пока «детки» спали, то есть делали вид, что не проснулись, она помыла полы на кухне и протерла пыль в модной тогда мебельной «стенке». Перейдя к уборке комнаты, мать нашла выпавший из джинсов сына паспорт и, привычно пролистав его, увидела штамп о семейном положении.

Через три года после окончания института их распределили в городскую больницу: Илью – в хирургию, а Алену – в терапию, так как она боялась крови – чудом сдала все экзамены и зачеты, связанные с манипуляциями подобного рода.

Через полгода Алена забеременела. Эти месяцы дались ей тяжело: холодная съемная квартира, длительный токсикоз и безденежье. Илья набирал дежурства, чтобы как-то выкручиваться, но зарплату часто задерживали. Мучаясь постоянной тошнотой и головокружением, Леночка вспоминала о первой беременности – как же ей тогда было

легко, но она этого не ценила.

Долгожданная девочка родилась в мае. Назвали ее Серафима, Симочка. Алена впервые по-настоящему испытала радость материнства. Она кормила Симочку грудью и не могла отвести от малышки глаз.

«Господи, как же я могла не любить своего сына?» – иногда думала она.

Но ее тревожные мысли, видимо, отражались на молоке, потому что Симочка тут же бросала сосать грудь и начинала плакать.

Елизавета Юрьевна откровенно третировала невестку.

– Дура ты деревенская, не ровня ты моему сыну. Хотя за внучку мы тебя, конечно, потерпим.

Свекр иногда приносил в комнату Ильи сладкий чай с лимоном для Леночки, а бабушка – кашку или кусочек курочки, но так, чтобы этого не видела Елизавета. А свекровь, работающая на полставки в ЖЭКе, приходя в два часа дня домой, очень громко «удивлялась», что обед готов только наполовину, а в ванной на умывальной раковине есть пятнышко.

После рождения дочки Алена особенно остро поняла, как сильно она любит Илью. Она никогда не жаловалась измученному постоянными дежурствами мужу, как трудно ей живется с его семьей. Тем не менее себя она чувствовала рабыней в этом доме. Полтора года в серпентарии свекрови показались Алене веком мытарств.

Когда Симочке исполнился год, устроили торжественный семейный обед, и тут Елизавета Юрьевна сварливо сказала:

– Иди, Лена, подогрей жаркое, оно опять у тебя холодное!

Послушно передав мужу Симочку, Алена взяла блюдо с мясом и вышла в кухню.

Что произошло в ее отсутствие, она не знала, но, когда вернулась в столовую с горячим, увидела, что Илья съезжает со стула, продолжая крепко держать дочку. Блюдо выскользнуло из рук Алены, разбилось, и куски мяса поскакали по паркету.

Схватив заплакавшую малышку, Леночка кинулась к мужу... Взглянув в его глаза, она тут же поняла, что Илья мертв.

Тишину разорвал голос бабушки.

– Господи! Опять! Не пережил Илюшенька возраст Христа! Через неделю было бы ему тридцать три года...

– Нет! Не надо! Илюша! – крикнула Алена, рухнув на паркет около тела мужа. Симочку она крепко прижала к себе.

Приехала «Скорая помощь». Елизавете Юрьевне вкололи успокоительное, Генрих Самуилович тихо плакал, а бабушка была удивительно спокойна. Она почему-то заранее смирилась с потерей любимого внука.

Неделю Леночка жила в аду. Похороны Ильи, приезд родственников, с брезгливостью смотревших на нее, истерики Елизаветы.

Через неделю, дождавись, когда свекрови и свекра не было дома, Леночка взяла приготовленные вещи, немного скопленных денег и, усадив Симочку на руки, вышла из дома, который так и не стал ей родным.

Бабушка перекрестила ее в спину.

– Иди, девочка. Помогать тебе сил у меня нету. Но здесь тебе счастья не будет.

Подставив лицо питерскому ветру, Алена думала, куда идти. Друзей в этом пасмурном городе у нее не было, работы тоже. Возвращаться в Касимов ой как не хотелось: сожрут ее отец с братьями. Но ради ребенка придется терпеть.

На Московском вокзале она посмотрела расписание поездов. На Москву рейсы были частыми, но сил на долгий путь до Рязани не осталось. «Завтра поеду», – решила Леночка и вышла на привокзальную площадь. Симочка спала на груди, удобно устроившись в переноске, называемой в народе «кенгуру».

На площади перед вокзалом стоял строй толстых теток с табличками: «Сдаю комнату». Взгляд Леночки нашел в толпе худенькую женщину с обветренными красными руками и заплаканными глазами. Движимая интуицией, Алена подошла именно к ней.

– Сдаете? Но у меня только...

– Пойдем, милая. Куда же ты с малышкой? Это хорошо, с ребенком не загуляешь, надеюсь. Давай, девонька, поспешай, уже темнеет.

Так Алена поселилась у Валентины Степановны.

Бедная пожилая женщина искала не человека, который поселится у нее на одну ночь, а квартирантку, с которой она смогла бы жить душа в душу. Скоро всем стало ясно, что Леночка останется у нее надолго.

Через месяц совместного проживания обе поняли, что обрели то житейское спокойствие, о котором мечтали.

У Валентины Степановны был сын. Несколько лет назад он с женой уехал в Германию и как-то сразу забыл про проблемы пожилой матери. Звонил раз в месяц, спрашивал, как дела? Но ведь звонки в кастрюлю не положишь – денег на жизнь не хватало. А просить денег у сына Валентина Степановна стеснялась.

В Петербурге росло количество частных клиник, и терапевтов не хватало. Леночка без всяких знакомств устроилась в одну из них.

Деньги платили приличные, и она содержала и себя, и доченьку, и Валентину Степановну.

Раз в полгода она ездила на кладбище к Илье, убирала его могилку.

Однажды она встретила бабушку Ильи. Старушка, резко сдавшая после смерти внука, принесла на могилу цветы.

– Не сердись, деточка, – сказала она Леночке. – Мой муж тоже умер от инсульта в тридцать три года. Я уже думала, что Илюшеньку Господь пощадит. Он был для меня всем... Теперь мне и жить-то незачем, а я все живу. Как там Симочка? Уже говорит, наверное?

– Говорит и бегаёт. Удивительная девочка, умница.

Глядя на бабушку Ильи, Леночка неожиданно для себя пожалела ту семью, которой не стала родной. Они-то остались без Ильи и без внучки, а у нее есть Серафима.

– Может, вернешься? – без надежды спросила бабушка.

– Нет. Елизавета Юрьевна сама выбрала свою судьбу. А в том, что Илья так рано ушел, я вижу и свою вину. Есть у меня грех.

– Ну, бог нам всем судья, – проговорила бабушка и, вытерев платочком повлажневшие глаза, пошла к выходу с кладбища.

Алена видела, как ветер треплет седые волосы старой женщины.

Больше она ни с кем из родственников Ильи никогда не встречалась.

* * *

Пять лет прошло в заботах о Серафиме и о хлебе насущном. Только иногда, перед рассветом, когда сны бывают особенно яркими, Алена вскрикивала, вспоминая об отданном сыне Славике. Но голос, звучавший из ниоткуда – «Мне хорошо с папой», успокаивал.

В клинике, где Алена работала терапевтом, ее ценили. Симочке исполнилось шесть лет. Воспитание девочки полностью взяла на себя ставшая родной Валентина Степановна.

У Лены появилось больше свободного времени, она начала ездить за границу на симпозиумы и на очередном семинаре в Венгрии познакомилась с мужчиной. Это был профессор, занимающийся той же темой, фармакологией, что и она.

Высокого роста, коренастый, с простым лицом и с проседью в волосах, он произвел на Леночку благоприятное впечатление. От него веяло уверенностью и надежностью.

– Шандор, – профессор протянул ей теплую руку.

– Алена...

Ужинали вместе.

Шандор окончил медицинский институт в Москве и прекрасно говорил по-русски.

– Я три года назад развелся, есть дочь София, ей восемнадцать. Поступила на экономический факультет Академии и живет на другом конце Будапешта, в общежитии, – рассказывал он.

Шандор был старше Алены на пятнадцать лет. Он так ухаживал за нею, так искусно занимался любовью, что молодая женщина была полностью поглощена его вниманием к себе и страстью. Алене казалось, что до встречи с Шандором она просто не жила. Все, что за последние десять лет Леночка недополучила от мужчин, она обрела теперь.

Алена купалась во внимании, которого у нее до сих пор не было. Ее тридцать три года сделали ее намного привлекательнее, чем была она в юности. Возраст добавил ее чертам благородство и то спокойствие, что так привлекает иностранцев в славянках.

Сгоравший от любви Шандор переехал в Петербург. Через три месяца знакомства он купил большую квартиру в центре, и Леночка смогла впервые в жизни обставить свой дом так, как она хотела, не стесняясь в тратах и дизайнерских ходах.

Однажды, после бурного секса, Леночка и ее возлюбленный нежились в постели. Шандор сказал:

– Я хочу знать про тебя все, Аленушка.

– Ты и так все знаешь. – Женщина отвернулась, чтобы не было видно ее покрасневшего

от лжи лица.

– Нет. Я чувствую, что у тебя есть от меня тайна, – настаивал Шандор.

– Тайна есть у каждой женщины, – отшутилась Алена, и вдруг ее сильно кольнуло в сердце.

В очередной раз она подумала: «Как ты там, сыночек? Славочка... Тебе сегодня, да сегодня, исполнилось двенадцать лет... Боже мой! Как же я могла?..»

Алена быстро встала, накинула шелковый халат и вышла в кухню. Открыв окно, она посмотрела на улицу. Моросил осенний дождь. Он словно плакал вместе с нею.

Глава 8

– Слава! Зачем ты туда побежал? – Андрей быстро ходил по яблоневому саду позади дома. – Эй, где ты? Ты забыл? У тебя сегодня день рождения!

– Я здесь, – крикнул мальчик, высовываясь навстречу отцу из ветвей яблони. Старые ветки не выдержали, и мальчик упал.

Андрей ринулся на хруст и глухой звук. Его сердце отчаянно колотилось, чуть не выскакивая из груди.

Славик лежал на земле, не шевелясь.

– Что с тобой? – Андрей схватил сына на руки. – Ты ушибся?

Сын смотрела на отца странным взглядом.

– Нет... Я сейчас опять видел маму... Я упал, сильно стукнулся головой и почувствовал... Нет, я ее увидел. Она красивая. У нее большой живот, а там девочка!

Посмотрев на небо, Андрей крепче прижал к себе Славика.

– Я ничего не хочу о ней знать. У тебя есть я!

– Она тебя обидела? – спросил Славик, заглядывая отцу в глаза. – Она обо мне постоянно думает. Я чувствую.

Андрей понес сына в дом, крепко сжав губы.

* * *

Шесть лет назад, забрав у Леночки сына, Андрей решил не вывозить его из России и купил огромный дом в Подмосковье, в элитном поселке.

Его друзья, Гена и Саша, просчитав все возможные варианты сотрудничества, решили открыть в России собственный банк. Во главе него и встал Андрей. Теперь он мог, не выходя из бизнеса, постоянно находиться при сыне.

Слава был необычным ребенком. Когда ему исполнилось четыре года, с ним начали случаться странные вещи. Как-то его няня Оксана, женщина шестидесяти с небольшим лет, забыла очки в гостиной на пианино. Слава играл в своей комнате. Оксана крикнула:

– Славочка, не знаешь, куда я положила очки?

– Они в гостиной на пианино, – не поворачивая головы, ответил мальчик.

Вечером Оксана рассказала об этом Андрею, но тот лишь посмеялся:

– Ты, Оксана, так любишь малыша, что готова приписать ему сверхъестественные способности. Он такой же ребенок, как и все остальные.

Но дальше начали происходить еще более странные события.

Однажды в их элитном поселке случилось ЧП: исчез двухлетний Вова. Родители сходили с ума, заранее собирали деньги на выкуп и одновременно обратились в милицию. Отец поседел от отчаяния, мама сутками сидела у телефона и, когда ей кто-нибудь звонил, сдавленно говорила в трубку: «Позже, я перезвоню тебе через два дня или через три, я очень занята».

Во время сквозного милицейского рейда в поселке из дома вышел и Славик – ему тогда было пять лет.

– Трое мужчин, в масках. Они связали няню Вовика и закрыли ее в ванной. Схватили Вовку на руки. Он заплакал. Те мужчины сели в джип, номер ноль, ноль, семнадцать, шестьдесят, сорок один. Сейчас я их вижу в лесу, дача... Вова играет...

Милиционеры переглянулись... Что за странный ребенок?

После этого Слава побледнел, пошел домой и сразу заснул, не раздеваясь, на ковре в гостиной. Номер машины, тем не менее, пробили...

Вову нашли на даче, и все, о чем говорил маленький Слава, совпало до мелочей.

Андрей повез мальчика к знахарю в Тверскую область, чтобы узнать, какими способностями обладает его сын.

В деревушке с пятью домами, где воду носили от колодца ведрами, у старой избушки сидели десять «страждущих» женщин разных возрастов и ждали от знахаря своей судьбы. Андрей, кинув каждой в очереди по тысячной купюре, поднялся на крыльцо с ребенком на руках. Никто не возроптал.

– Это дар Божий, – сказал старый знахарь, осмотрев Славика. – Но запомни: мальчик отвечает за свой дар... Здоровьем и судьбой.

С тем смутным определением способностей сына и вернулся Андрей домой.

Мальчик рос очень смысленным, и отец разговаривал с ним обо всем на свете. Только на одну тему у них было наложено табу: разговоры о маме.

Слава давно понял, что отец боится его встречи с матерью. Но мальчик ни любви, ни зла к ней не ощущал. А с ее стороны – только интерес: жив, не жив? Хорошо ему или нет? Но ему было хорошо, и виртуальная, незнакомая мама успокаивалась.

А еще у Андрея со Славиком была игра. Они шли по улице, и отец показывал на какое-нибудь окно:

– Что сейчас происходит в этой квартире?

Чаще всего Славик отвечал, что там либо никого нет, либо пожилая женщина готовит обед. Но было и такое:

– Вызываем «Скорую помощь»... Там одинокая бабушка, ей плохо!

Тогда Андрей вызывал «неотложку».

Андрею исполнилось сорок лет. Он твердо стоял на ногах и материально был вполне обеспечен. Продолжая вести дела с Сашей и Геной, Андрей развивал свой банковский бизнес и не только проводил сделки друзей, но и давал кредиты предпринимателям под реальные проценты.

Когда речь заходила о крупных займах, он брал на совещание Славика.

– Ну как, выстоит этот дядя, сможет отдать кредит? – спрашивал он у сына.

Ответ всегда звучал однозначно: либо «Да», либо «Нет».

Андрей никогда не рисковал. Он верил сыну беспрекословно.

На деловых встречах никто не обращал внимания на восьмилетнего ребенка, делающего уроки за отдельным столиком. Все считали, что у Андрея погибла жена и он воспитывает сына один, из-за чего крайне к нему привязан.

Но настал день, который Андрей запомнил навсегда.

Его конкуренты в банковской сфере обратили внимание на то, что на важных встречах Славик всегда бывает рядом.

Когда у Андрея очень успешно прошла очередная крупная денежная операция, они решили «потормозить» его банк и проверить свои догадки.

В один из дней Андрей должен был дать три крупные ссуды более мелким банкам.

Утром Слава закапризничал. Его тошнило, болела голова... Андрей оставил сына дома с хлопотливой Оксаной и поехал на работу.

Как только отец отъехал от дома, в квартиру позвонили.

– Забыли что-то, Андрей? – спросила Оксана, открыв дверь.

Ее сильным ударом в лицо опрокинули на пол. Четверо молодчиков неспешно вошли в дом. Ничего не трогая, они прошли в комнату Славика и вытащили мальчика из шкафа, где он спрятался.

Вырывающегося изо всех сил ребенка на руках вынесли из дома и кинули на заднее сиденье машины.

Андрей до двух часов дня оформил кредиты и был весьма доволен сделками. Он спустился в кафе, чтобы с удовольствием пообедать, и именно в это время ему позвонили:

– Ты своего пацана хочешь вернуть? – спросил грубый голос. – Я тебе позже позвоню.

Рука Андрея стала мокрой от пота, и телефон выскользнул на обеденный стол. Сердце выпрыгивало из груди.

На огромной скорости, нарушая все правила движения, Андрей погнал машину домой. Входная дверь в особняк была приоткрыта.

Оксану он нашел в кухне, та сидела связанная, с кляпом из собственного носка во рту. Андрей развязал ее, задыхающуюся.

– Я виновата... Сама открыла... Думала, вы что-то забыли, вернулись...

Сев на мраморный пол рядом со стулом няни, Андрей нервно тер лицо.

– Нет, виноват я. Они узнали про дар Славика... Если с ним что-то...

И Андрей заплакал.

Оксана, распутавшись от веревок, села рядом с хозяином на пол и пыталась его успокоить:

– Дрюшенька, у нас уникальный мальчик. Не волнуйся, он сам подскажет, как его найти. Я верю в это... И ты верь.

Звонок, которого они с Оксаной так ждали, раздался только через два часа. Андрей курил, чего не делал уже десять лет, а Оксана пила виски из бара хозяина.

– Значит, так, Андрей Степанович, ты переписываешь свой банк на нас, данные я скажу позже. На время. Мы провернем пару сделок, используя твоего вундеркинда-сына, и вернем его тебе в целости и сохранности.

* * *

В полуподвальное помещение едва проникал тусклый свет. Слава сидел среди каких-то коробок. Он ощущал, что его жизнь висит на волоске, и знал, что если сейчас, немедленно, не предпримет ничего для своего освобождения, живым его не выпустят.

Собрав все силы, мальчик начал мысленно давать команды через десятки километров отцу, который должен был его услышать.

– Возьми телефон. Возьми. Возьми телефон. Не бойся, иди в милицию. Папа, я приведу тебя сюда.

В своем особняке Андрей, тупо смотрящий телевизионные новости, резко закрыл лицо руками и закричал сидящей на полу женщине:

– Оксана! Да очнись же, Оксана! Я вызываю милицию. Со Славиком пока все в порядке. Сделай мне тройной кофе. И себе!

Приехавшим оперативникам Андрей тихо, но очень четко назвал адрес.

Мальчика нашли. Ребенка никто не охранял, просто заперли в складском помещении заводика в окрестностях Клина.

Милиционерам Славик показался странно взрослым – бледное личико, ввалившиеся щеки и блестящие глаза, в которых отражался тусклый свет лампочек подвала...

Андрей прижал Славика к себе. И тут у ребенка начался приступ. Судорога искривила лицо в страшный оскал, он сжал зубы, изо рта пошла пена...

– Положите его на пол. В рот суньте перчатку, чтобы не прикусил язык, – сказал один из милиционеров.

Тельце мальчика выгнулось дугой. Слава бился в падучей несколько минут. Когда все закончилось, под ним растеклась лужа.

Схватив сына, Андрей прижал его к себе.

– Я так виноват перед тобой! Прости меня, малыш! Боги, если вы есть, помогите мне!
– взмолился он.

После этого случая Славу обследовали. Ему сделали энцефалограмму и поставили диагноз: эпилепсия.

Андрей прочитал об этом заболевании все. Единственным правильным решением было увезти ребенка из страны, сменить обстановку.

Они улетели в Венгрию.

* * *

В Будапеште стояла золотая осень. Действительно золотая.

Андрей любил в выходной день побродить вместе с сыном в многолюдном потоке по улице Ваца, идущей от площади Воросмарти до моста Элизабет. Там располагались самые фешенебельные жилые дома, крупные универмаги, роскошные отели и международный торговый центр. Иногда они ходили на набережную Дуная, любовались на мосты и парки.

Сегодня у Славы был день рождения – ему исполнилось двенадцать лет. В сладком молчании отец и сын брели по центру города, стараясь поддеть носками ботинок сухую яркую листву, которую еще не успели сгрести дворники. Горьковатый запах тлеющих листьев, прозрачное осеннее небо, светящиеся на солнце паутинки, называемые в народе волосами Венеры, – все это способствовало умиротворению.

Глядя на великолепный Цепной мост со стороны Пешта, мальчик вдруг сжал руку отца. Это означало, что ребенок почувствовал приближение очередного приступа эпилепсии. У них была договоренность: если Слава ощущал предвестие недуга, то подавал знак.

– Что такое? – тихо спросил Андрей, крепко обнимая сына.

– Нет, нет, папочка! Извини, что напугал тебя. Я просто получил мысленное поздравление от мамы. Она меня помнит.

– Мы же договорились, сын! – Андрею было неприятно напоминание о женщине, так странно поступившей с ними.

– Она опять меня сейчас вспомнила... Я почувствовал... – Славик виновато замолчал.

Учился Слава отлично. Венгерский язык он выучил играючи. В шестнадцать лет окончил школу с золотой медалью. Сразу поступил в медицинский институт.

Высокий, худенький, но очень яркий юноша стал любимцем всех преподавателей.

Андрей так и не женился. Всего себя он посвятил единственной родной душе – сыну. Конечно, у него были женщины, но он рано разочаровался в них, поэтому никому не верил. Его очень тянуло на родину, но он так боялся за Славу, что предпочитал жить в чужой, но спокойной стране. Венгрия его во всем устраивала. Банковский бизнес здесь только набирал обороты.

Когда Славе исполнилось семнадцать лет, он привел в дом девушку – Марианну. И тут случился конфуз. После близости с ней у Славы произошел сильнейший приступ эпилепсии. Марианна испугалась и, вся в слезах, убежала.

Придя в себя, Слава решил поговорить с отцом.

– Я не могу быть нормальным мужчиной? – спросил он у Андрея.

– Ну что ты, сынок! Просто это у тебя было в первый раз и вызвало сильный эмоциональный стресс. Когда-нибудь ты встретишь девушку, которая полюбит тебя, даже зная твой диагноз.

Посмотрев в окно их загородного дома, Слава печально покачал головой.

– Нет, папа. Я консультировался у нашего профессора, он сказал, что шанс передать детям эпилепсию в моем случае очень велик. Даже если я встречу понимающую девушку, то все равно не хочу иметь больных детей.

– А если ты вылечишься? – Андрей очень старался выглядеть убедительно, и поэтому улыбался.

– Эпилепсия неизлечима, ты ведь это и сам знаешь. А моя мама была здорова?

Мысленно выругав себя за то, что в течение многих лет не обеспокоился судьбой Алены, практически ничего о ней не зная, Андрей уверенно солгал:

– Да, твоя мама молода и совершенно здорова. Пойдем, выпьем чаю и ляжем наконец спать, пока Оксана не начала готовить очередной ужин.

– Она пьет снотворное и уже спит. Все время Москву вспоминает. Тоскует... Я тоже.

– Какие наши годы? Съездим!

– Не сомневаюсь! – рассмеялся Слава.

Глава 9

На Симочкино семнадцатилетие Шандор решил отвезти любимых женщин в Венгрию. Помимо того, что он хотел показать Симе Будапешт, он решил навестить дочь Софию, которая прилетала в Петербург не чаще одного раза в год.

Серафима к этому времени окончила школу и отучилась на подготовительных курсах медицинского института. Хорошо воспитанная, но взбалмошная девушка выпускные экзамены на подготовительном отделении, приравняемые к вступительным, сдавала на «отлично».

Никогда не бывавшая в Венгрии Сима готовилась к поездке с особым волнением. Она списалась по Интернету со студентами будапештской медицинской Академии. Пришло много ответов, в том числе и от двадцатидвухлетнего аспиранта кафедры психологии – Славы Звонарева. Он писал о том, что родился в Москве и провел там все детство, теперь скучает по России. В Петербурге он не был, но смотрел много документальных фильмов об этом городе.

Приехав с мамой и отчимом в Будапешт и едва поселившись в гостинице, Сима тут же позвонила Вячеславу.

– Я прилетела!

– Отлично! Жду тебя в кафе «Буда». Знаешь, где это?

– Спрошу у Шандора! – искрилась нетерпением Сима. – А во сколько?

– В котором часу тебя устроит? – волнуясь от предстоящей встречи, быстро спросил Слава.

– Прямо сейчас! – нетерпеливо ответила Симочка, натягивая на себя новенькую футболку.

В кафе они проговорили два часа, затем долго гуляли по городу, а вечером оказались в номере гостиницы.

Так случилось, что Сима не так давно, весной, стала женщиной – у нее были отношения с одноклассником, милым парнем Анатолием.

Впервые близость случилась на даче родителей Анатолия. Был теплый день конца мая. Они выпили шампанского, захмелели, и Сима, увлекшись поцелуями, оказалась в постели Толика. Как ни странно, весьма «продвинутая» в теории секса, девушка не подумала о последствиях первого серьезного соития. Анатолий о презервативах в порыве желания забыл, хотя купил их две упаковки. Забыл в бардачке машины.

При расставании, сажая ее в такси, Толя потел от волнения.

– Серафима, дорогая, ты скоро уедешь на целые две недели... Не разлюбишь меня в разлуке?

Пожав плечиками, Сима легкомысленно ответила:

– Не будь таким банальным! Любишь, не любишь...

В Будапеште Симочка не вспоминала о Толике. Со Славой она поняла, что близость с мужчиной – это не только секс. Это интеллектуальное единение и нежность, лучшее, что может быть у женщины...

Поездка в Венгрию стала для Леночки и Шандора новым медовым месяцем.

Они объездили все окрестности Будапешта, посетив все знаменитые старинные замки и дворцы. Ели в ресторанах и харчевнях. Три раза съездили в гости к Софии, теперь живущей в собственной однокомнатной квартире в пригороде.

В принципе, Сима в их экскурсиях им только мешала, но они все-таки привыкли ее контролировать. Правда, получалось последнее время это редко.

– Я за месяц до поездки списалась со студентами-медиками Академии. Мы тоже шаримся по городу, даже в музей сходили и в Выставочный центр. Мне нужна языковая практика, между прочим. Ты же сам говорил, Шандор!

И она, надев чистенькие брючки и футболку, хватала яркий рюкзачок и убегала из своего номера.

Слава гладил Симу по густым волосам. Его прикосновения были не просто приятными – они казались волшебными. Сима чувствовала ток в теле и жар, исходящий от его рук.

– Знаешь, любимая, ты мне очень близка. Не знаю, как это объяснить, но как только я тебя увидел, у меня возникло ощущение, что ты моя родная кровинка. А как зовут твою маму?

Завернувшись в простыню, Сима посмотрела в низкий потолок дешевого гостиничного номера и стала рассказывать:

– Маму зовут Алена. А папа умер, когда мне был всего год... Конечно, я его не помню. Мама не любит об этом рассказывать. Я знаю, что бабушка с дедушкой у меня тоже есть или были. Мама после смерти отца никогда о них не вспоминает...

Подняв с пола пачку сигарет, Слава закурил, что делал крайне редко.

– А я свою маму не знаю. Отец на нее за что-то обиделся и никогда о ней не говорит. С детства я помню только его и Оксану, это моя няня. И еще... хочу чтобы ты знала... Я не совсем здоров. У меня эпилепсия. Обычно приступы случаются после стресса, но я предчувствую начало и всегда успею тебя предупредить.

– Я вылечу тебя, любимый, – уверенно пообещала Сима. – В институте я буду заниматься проблемами мозга. В жизни нет ничего случайного. А хочешь, я познакомлю тебя с мамой и отчимом? Он прекрасный человек и тоже врач.

Затушив сигарету в пепельнице, Слава тут же прикурил вторую.

– Подожди, это очень важно... Договорим. Мне нельзя иметь детей... Шансы, что болезнь передастся по наследству, слишком велики. Знакомство с родителями – это серьезный шаг, а мы пока очень мало знаем друг друга. Давай чуть-чуть подождем и подготовим их.

Туристическая поездка семьи в Венгрию подходила к концу.

При очередном свидании, когда влюбленные гуляли в парке, Слава взял лицо Симы в ладони и сказал:

– Ты беременна, девочка, но не от меня. Я это чувствую.

Поначалу удивившись, Сима прислушалась к себе и призналась.

– У меня действительно задержка, но больше никаких признаков нет. – Она отвела руки Славы от своего лица. – Послушай, я не хочу ребенка не от тебя, я сделаю аборт.

– Мне нельзя иметь детей, – жестко напомнил Слава. – Ты родишь эту девочку нам.

– Девочку? – удивилась Сима. – Откуда ты заешь? Срок еще слишком маленький, чтобы определить что-нибудь. Три недели – я точно знаю дату.

– Не хотел тебя пугать. У меня есть необычные способности. – Славик улыбнулся, но глаза оставались серьезными. – Я вижу или чувствую то, что другие еще не знают. В России, еще маленьким мальчиком, я даже сотрудничал с милицией. Помог найти преступников...

Рассмеявшись словам возлюбленного, Сима закружилась по аллее парка.

– С ума сойти, какой ты необыкновенный! Подожди. – Она остановилась и серьезно посмотрела на Славика. – Я ведь через три дня возвращаюсь домой. Что мне сказать родителям?

Обняв Симу, Слава поцеловал ее волосы на макушке.

– Девочка моя, я приеду, как только смогу все уладить. Возьму отпуск. А тебе надо начать учиться в институте. И тогда мы сразу поженимся. Твой животик пока никто не заметит. У нас все будет хорошо. Пусть родители не знают, что это не мой малыш, точнее малышка. – Вячеслав крепко обнял девушку. – Пойдем в гостиницу, я уже больше не могу терпеть.

– Побегали! – засмеялась Сима. – Боже мой, как ты все здорово придумал!

Наступил день расставания.

Слава приехал в аэропорт и, как они заранее договорились с Симой, стоял в стороне. Но оба влюбленных видели друг друга и посылали воздушные поцелуи.

Минут через десять к Симе подошла молодая красивая женщина... Славу сковало странное предчувствие.

«Я знаю эту женщину. Я знаю ее...» – сказал он сам себе.

Женщина с Симочкой и высоким мужчиной прошли паспортный контроль и исчезли за дверями.

Возвращаясь домой, Слава думал не только о Симе, но и о женщине, которая находилась рядом с ней в аэропорту.

«Это была ее мать, которую я никогда не мог видеть, – повторял он себе. – Но почему она мне так знакома? Ладно, с этим я разберусь потом. Как же я скучаю по Симе. Она мне как родная, надо скорее встретиться с ней!»

Вернувшись домой, Слава с порога крикнул:

– Папа! Я хочу поехать в Петербург.

Сидевший за компьютером Андрей оторвался от Интернета.

– Хорошо, поедem вместе. У меня много дел в России, пора наведаться.

– Не в этот раз. – Славик горел от любви. – Я встретил девушку, которую полюбил. Я сделаю ей официальное предложение, а потом приедешь ты.

Андрей прикрыл глаза и сжал ладонями голову.

– Не буду спорить с тобой. Если мой сын счастлив, счастлив и я.

Слава быстро подошел к отцу.

– Давно у тебя головные боли?

– От тебя ничего не скроешь... – Андрей потер виски пальцами. – Месяца два или три, кажется.

Обеспокоенный Слава положил ладонь на голову отца и почувствовал темноту под рукой.

– Нужно сделать томографию. Сейчас я сниму твою боль... – Лицо Славы вдруг исказила гримаса начинающегося приступа эпилепсии. – Папа, мне плохо.

Андрей быстро помог сыну лечь на диван, расстегнул ворот рубашки и сунул между зубов носовой платок.

Припадок был очень тяжелым.

После него Слава проспал шесть часов. Первое, что он сказал: «Хорошо, что этого ни разу не случилось при Симе».

– Ее зовут Сима? – спросил Андрей.

– Да, папа. Она такая... – не найдя нужных слов, Слава развел руки, показывая необыкновенность любимой.

– Красивая?

– Да! И умная! Она, как частичка меня. Я так чувствую! Вот что, папа, – вдруг резко сменил тему разговора Слава, – срочно сделай себе обследование. У тебя опухоль головного мозга, но, к счастью, доброкачественная. Ты не ощущаешь слабость в руках?

От неожиданного вопроса Андрей немного растерялся и посмотрел на свои руки.

– Ощущаю...

– А зрение как? – взволнованно расспрашивал сын.

– Вроде нормально, – ответил Андрей и ту же понял, что в глазах рябит. – Но если хочешь, я завтра же пойду в клинику.

После обследования Андрея прооперировали, и поездка Славы в Санкт-Петербург отодвинулась на неопределенное время.

К тому же случилось еще одно несчастье: умерла Оксана, верная няня Славы. Он и отец сильно переживали, ведь она была членом семьи.

Для отца пришлось нанимать профессиональную медсестру. Русскую. Она осела в Венгрии случайно. Навестив подругу в этой стране, женщина влюбилась в нее. Переехала. Спрос на ее услуги был высоким, и оплачивались они хорошо. Так в доме Звонаревых появилась милая женщина Зоя.

Слава разрывался между работой, отцом, восстанавливающимся после хирургического вмешательства, и Симочкой. Он звонил ей каждый день. В последние дни слышал одно и то же:

– У меня животик заметен. Я боюсь, что мама все поймет. Когда же ты приедешь, любимый?

Взяв из рук отцовской сиделки чашку с чаем, Славик посмотрел на календарь, висевший в гостиной.

– Скоро. Папу через неделю выписывают. Он пока сам не ходит, возим на коляске. Как только я смогу его оставить с Зоей, приеду к тебе! Не забывай пить свежевыжатые соки! Я думаю, тебе надо начать принимать препараты железа. Ты что-то бледная...

– Я бледная? Да, есть немного.

Сима уже начала привыкать к особенностям Славы. Она не сомневалась, что он видит ее на расстоянии.

Не отдавая себе отчет, молодая женщина действительно начала считать, что она беременна от Славы. Свой первый сексуальный опыт с полузабытым парнем Симочка в расчет не брала – все ее мысли и чувства поглотил Вячеслав.

Сдав экзамены еще в апреле, в июне Сима пришла на собеседование. В июле, зайдя в просторный гулкий холл Первого меда и увидев свою фамилию среди поступивших, хлопала в ладоши и обнималась со знакомыми ребятами, с которыми училась на курсах.

Однажды, проходя мимо ванной комнаты, дверь в которую Сима забыла закрыть, Леночка остановилась и с удивлением стала разглядывать изменившееся тело дочери.

– Почему ты молчала? – Леночка в недоумении показала на круглый живот Серафимы, который та удачно скрывала под длинными объемными свитерами.

– Мама, мой жених пока не смог прилететь из Венгрии. Просто у него папа заболел, – уверенно говорила Симочка, ни секунды не сомневаясь в обещаниях Славы.

Умилно смотря на дочь, Алена сочувственно улыбалась.

– Что вы друг друга любите, я вижу. И переписка ваша ежедневная, и звонки по телефону. Но как же учеба? Ты решила не учиться в институте?

– Нет, мамочка! Мы возьмем няню. – Увидев, что Алена огорчилась, она тут же принялась ее целовать. – Ну не плачь, мамуля! Я тебя очень люблю. Просто не хочу нагружать лишними заботами о малыше.

– А когда мы скажем о ребенке Шандору? Его-то дочка никак не выйдет замуж, хотя старше тебя на двенадцать лет. Шандора это очень беспокоит...

– Это ее проблемы, мама, – Симочка погладила животик, – каждый найдет свою половинку. Пусть ищет.

* * *

Все с детства верят, что в новогоднюю ночь происходят чудеса.

В своей квартире, в Петербурге, Алена и Шандор накрывали праздничный стол.

Шандор великолепно готовил. Его фирменный гусь с яблоками уже покрылся золотистой корочкой в духовке, источая божественный аромат. Алена приготовила крабовый салат и холодец. Сима резала ветчину и сырокопченую колбаску.

В центр стола поставили крюшонницу с горячим вином. Шандор втихаря налил себе бокальчик горячегопряного напитка.

Вдруг раздался звонок в дверь.

– Симочка, открой! – крикнул Шандор, допивая вино.

В вечернем платье, но с фартуком на нем, Симочка побежала открывать дверь. И тут же из коридора донесся ее радостный крик:

– Мама! Шандор! Слава приехал! Какой чудесный у нас Новый год! Он прилетел, мой любимый!

Слава стоял в дверях с огромным букетом роз.

Алена вышла в прихожую.

– Это вам. Меня зовут Вячеслав, – представился Слава и, вручив Леночке цветы, сразу, даже не сняв пальто, заявил: – Я прошу руки вашей дочери!

Он достал из кармана пиджака бархатную коробочку и раскрыл ее. В коридоре засверкали бликами бриллиант в золотом кольце. Вынув кольцо, Слава надел его на тонкий пальчик Симы.

Шандор, тоже вышедший в прихожую, улыбался.

– За стол! Быстро! Уже без десяти минут двенадцать!

Новый год встретили, как положено: весело послушали речь Президента, чокались под звон курантов шампанским, подпевали веселящимся на экране артистам, зажигали бенгальские огни. Было вкусно и весело... Только Слава иногда ловил на себе странно-внимательный взгляд Алены, матери Серафимы.

Ближе к утру Слава помогал убирать со стола. В очередной раз пронося на кухню использованную посуду, он почувствовал, что на животе расстегнулась рубашка.

Мама Серафимы в этот момент курила около форточки.

– А сколько тебе лет? – напряженным голосом спросила Алена.

– В ноябре было двадцать два. Я в шестнадцать лет поступил в Академию, потому что окончил школу с золотой медалью, – ответил Слава и удивился остановившемуся взгляду Лены. Она смотрела на его живот.

Женщина бледнела на глазах.

– У вас родимое пятно необычное...

– Да, в виде паука. У меня оно такое же, как у деда, мне отец рассказывал.

– Как зовут твоего отца? – неожиданно перебила она его хриплым голосом.

– Папу? Андрей. – Вячеслав достал сигарету из пачки, лежавшей на подоконнике. – Он недавно перенес тяжелую операцию. Как только поправится, сразу прилетит в Петербург и познакомится с вами...

Алена, опустив взгляд, пятилась из кухни.

В комнате Леночка встала напротив дочери.

– Ты должна прервать беременность! – Руки мамы тряслись, когда она поднесла их ко рту. – Немедленно!

Допивавшая сок Сима с недоумением посмотрела на Алену.

– Ты чего говоришь, мам, мне рожать скоро. И вообще, чего ты кричишь? Тебе Слава не понравился?

Не зная, как успокоить себя, Алена схватила другой стакан с соком, и он чуть не выпал у нее из рук.

– Ты ничего не понимаешь, Сима! Тебе нельзя иметь от него детей!

Сима решила, что Слава рассказал ее матери про эпилепсию.

– Мы не хотели тебе говорить. Это не его ребенок. У меня был друг... Но ты никому не расскажешь, да?

Резко сев на диван, Леночка облегченно выдохнула.

– Да...

В гостиной продолжалось веселье, а Леночка сидела в спальне. Без света, без музыки, без телевизора. Два часа, сама с собой, она решала, что ей делать.

Ее дети. Инцест. Ее грех. Инцест. Ее постоянное желание быть хорошей для всех, всех слушаться. И результат – инцест.

Она, только она сама должна искупить свой грех.

Только она. Только сама.

Подойдя к окну, Леночка распахнула его.

– Мама, я иду к тебе. Дети поймут меня потом.

Она встала на подоконник, взглянула в высокое темное небо в звездах и шагнула в новогоднюю ночь...

На улице было минус двадцать. Холод проник в квартиру очень быстро. Шандор, Слава и Симочка бросились в спальню и увидели зияющую темноту открытого окна...

Глава 10

У Славы, когда он понял, что произошло, случился эпилептический припадок, у Симы отошли воды...

Три машины «Скорой помощи» подъехали к дому одновременно... Тело Алены отправили в морг, Славе сделали укол, Симу повезли в роддом.

По дороге у Серафимы начались схватки. Когда ее оформляли в приемном покое – потуги. Сима не кричала, она была в шоке, после того как увидела из открытого окна маму: Алена лежала на снегу в неестественной позе. Юбка во время падения задралась и обнажила стройные ноги, согнутые в коленях. Эта картина запечатлелась перед глазами Симы.

– Дай, я ее посмотрю, – дежурный врач отодвинул в сторону принимающую Симу акушерку.

– Таз узкий, раскрытие – всего полтора пальца. Проблема, – вынесла свой вердикт полная румяная медсестра.

– Не каркай, Настя! – прикрикнул на нее доктор. – Девочка молодая, кесарить не хочется. Головка еще высоко, плод некрупный, – спокойно перечислял он.

– Тебя как зовут? – наклонилась над девушкой акушерка.

– Сима.

– Роды первые? – перебил медсестру доктор. – Мне будет нужна твоя помощь, девочка...

– Я поступила в медицинский, – тихо сказала Сима. – Что-то не так?

– Ну, во-первых, рановато ты рожать собралась, всего-то тридцать шесть недель. Не доносила ты, сама знаешь. Во-вторых, раскрытие действительно всего полтора сантиметра, а потуги уже начались. Сейчас мы дадим тебе наркоз. Может быть, родовую деятельность снизим, но, наверное, придется накладывать щипцы.

Доктор говорил, осматривая пациентку, а роженица старалась сдержаться, не закричать в голос не от физической, а от душевной боли.

– Мне все равно. Моя мамочка сегодня... – Сима зарыдала в голос.

– В родзал ее, срочно! – испугался доктор.

Симу привезли на каталке в родильный зал. Перенесли на холодный металлический стол. Ей казалось, что она умирает. Иногда молодая женщина выплывала из этого состояния и слышала команды:

– Помоги мне держать головку!

– Руку извлеките! Вот так, вот так...

– Девочка. Вот она, красавица!

– Не кричит...

– Сейчас закричит!

На этих словах Сима провалилась в беспамятство.

Очнулась уже в палате – одна.

Когда принесли малышку, Симочка даже не захотела взглянуть на нее. Ей казалось, что в страшной беде, случившейся с мамой, виновата эта девочка.

Пришла медицинская сестра и показала, как давать грудь. Видя, что молодая мама ничего не делает, она сама вытянула сосок, несколько раз больно надавила и засунула его в ротик новорожденной. Сима ощутила, как вместе с молоком из нее вытекает прошлая жизнь – та, в которой была жива мама. Все изменилось за одну ночь.

* * *

После эпилептического припадка Слава крепко спал.

Это был его последний приступ. Увидев лежащую под окном на снегу женщину, Слава вдруг отчетливо понял, что Алена – важный для него человек. Всего лишь шаг отделял его от важного открытия, но боль была слишком сильной, и Слава намеренно не переступил черту, закрыв свое подсознание от внезапной догадки.

Через день к Шандору прилетела его дочь София, чтобы забрать отца в Венгрию. Ей было жаль мачеху, Симу, но больше всего – папу.

Софии исполнилось двадцать восемь лет. Она была не очень красива, но весьма сексуальна. При первом же взгляде на Вячеслава она позавидовала Симе. О таком мужчине она мечтала всю жизнь. Славик для нее был притягателен. Но две непреодолимые границы разделяли их. Он – муж ее сводной сестры и на шесть лет младше Софии.

А Слава находился в состоянии полной растерянности. Он испытывал сильный внутренний разлад.

Сима была как бы частью его, а к малышке он ничего не испытывал, даже любопытства. Пропать в душе, образовавшаяся после смерти Алены, почему-то потрясла его больше всего. А еще он очень волновался за состояние отца, которого оставил дома.

На похороны Симу из роддома не отпустили. Шандор, Вячеслав и София сами все организовали.

После поминок София подошла к отцу, обняла и прошептала по-венгерски:

– И эта боль тоже пройдет. Нужно время.

Шандор вытирал слезы, которые безостановочно текли по лицу. Он понимал, что теперь его здесь ничего не держит. Они с Софией решили, что уедут в Венгрию и будут жить вместе, а позже решат, что делать дальше.

После очередного посещения Симы Слава вернулся из роддома расстроенный. Он никак не мог успокоить жену. Девушка отказывалась как-либо объяснить себе поступок мамы и считала, что во всем виновата она, Симочка. Она всегда была очень близка с мамой, а тут проглядела у нее депрессию, которая закончилась самоубийством... Сима искала ответ на этот вопрос в прошлом, но не могла вспомнить ничего, что могло спровоцировать самоубийство.

– Давай выпьем водки, – сказала София, увидев, в каком состоянии Слава пришел от Симочки.

– Я не умею пить... – смешался молодой человек. – У меня эпилепсия, с нею не рекомендуется.

София поставила на стол две рюмки, закуску, спросила, чем они будут запивать, и села рядом со Славой.

Он посмотрел на дочь Шандора, и впервые за последние дни в нем проснулись мужские инстинкты. К ней у него возникло плотское влечение, которое он давно уже не испытывал к любимой Симочке. Возможно, за время их вынужденной разлуки страсть угасла. А может быть, беременность Серафимы переменяла отношение к невесте. Или цепочка драматических событий как-то обусловила спад сексуального интереса? Слава вдруг почувствовал, что София – его женщина...

Они выпили несколько рюмок, и Вячеслав, захмелев, отчетливо захотел близости с Софией. Конечно, осуществить свое желание он не посмел. Ему вдруг стало стыдно, и он, не пожелав никому спокойной ночи, пошел в комнату Симы, лег, не раздеваясь, и сразу уснул.

Через две недели Слава забрал Симу с малышкой, которую называли Аленкой, домой.

Шандор с Софией улетели в Венгрию.

Слава остался в Питере. У молодой семьи начались бытовые трудности, проблемы с грудным ребенком, который часто плакал, не спал ночами. Сложности обострялись утренними опозданиями няни. Нервозности способствовала необходимость молодой матери посещать институт. А тут еще и срочный поиск работы для Славы – семью нужно было содержать. И содержать достойно.

Свадьба Симы и Вячеслава была похожа на роспись в книге выдачи заказа в химчистке. Расписались, взяли документ и отправились домой. Ни банкета, ни гостей не было. Не то настроение.

С чувствами Симочки и Славы что-то случилось, любовь растворилась в непрекращающемся истошном плаче ребенка, в бытовой неустроенности, а страсть переросла в родственные чувства.

Оба не замечали, что живут, как брат и сестра.

Прошло полгода. Постепенно налаживался быт, и, вырастая, меньше плакала маленькая Лена. Слава устроился на работу в больницу скорой медицинской помощи имени Склифосовского, Сима стала проходить практику в больнице рядом с домом.

Неожиданно для себя Серафима почувствовала, что встреча с новыми людьми ей приятнее, чем нахождение в кругу семьи, чем общение с домочадцами. Девушка с удовольствием познакомилась с Женей – молодым врачом из больницы.

Однажды Сима задержалась после практики в больнице. Женя вышел из ординаторской и предложил ей покурить на лестничной клетке. Там постоянно топтались пациенты в застиранных больничных халатах. Пахло хлоркой и сигаретным дымом. Обстановка была совсем не романтическая. Женя, как бы случайно, взял Симу под локоть, и ей вдруг захотелось этого мужчину. Она почувствовала, что готова идти с ним, даже не спрашивая, куда именно. В этот момент она забыла и о муже, и о дочери.

Евгений почувствовал, что молодая женщина хочет быть с ним, и тут же откликнулся на этот немой призыв.

– Поехали ко мне? – улыбнулся он.

– Поехали!

У нее хватило сил только на то, чтобы позвонить домой и предупредить мужа, что задерживается.

Вечером, лежа в постели малознакомого мужчины, Серафима испытывала опустошение. «Видимо, для нормальной женщины важнее надежный тыл, чем оргазм... – к такому открытию пришла Сима. – Семейные узы мне дороже, чем спонтанная необузданная страсть. Не стоит поддаваться плотским желаниям».

Больше с Женей она не виделась. Воспользовавшись тем, что она молодая мать и имеет льготы, она отказалась от практики в больнице.

Тем временем Слава перешел работать в частную клинику. Он стал востребованным психиатром. Времена бурных перемен приводили людей не только в состояние хронического стресса, но и депрессии. Психологическое здоровье у многих ухудшилось. Слава, кроме академических знаний, владел гипнозом, которому учил его отец. Специалисты такого рода ценились очень высоко.

На прием к Славе люди записывались за три месяца. Он увлекся семейной психологией. Но в своей семье, как ни бился, разобраться не мог.

Ему было комфортно с женой, очень спокойно, но скучно и пресно как с женщиной. В этом Слава винил только себя. Ведь он с детства занимался йогой, знал, как восстанавливать мужскую силу, был сексуально неутомим. Но в отношениях с Симой ему не хватало остроты...

А к дочери он привязывался с каждым днем все больше. Его умиляли признаки ее взросления и забавляли младенческие выходки. Он был свидетелем первых шагов Леночки и ее первых слов.

Сима, полностью положившись на мужа и няню, отошла от воспитания, отдалась учебе. Ей было сложно в девятнадцать лет полностью посвятить себя семье.

* * *

За прошедшие два с лишним года Андрей полностью восстановился после операции. Правда, писал плохо, но выручал компьютер.

Андрея огорчало, что он не может навестить сына – летать ему пока не рекомендовали.

В его жизни произошли глобальные изменения: Андрей влюбился в сорокалетнюю сиделку Зою. Пятидесятишестилетнему Андрею казалось, что женщины для него остались в прошлом, а не нет. Ни с одной из женщин Андрею не удавалось достичь душевной близости. Они легко входили в его жизнь, но глубокие чувства к ним не просыпались. словно любовь скользила по краю бытия Андрея. Болезнь изменила в нем многое. Сначала свою прикованность к дому мужчина воспринимал как вынужденную опостылевшую меру. Но беседы длинными зимними вечерами, случайные исповеди одиноких людей зародили интерес к опытной и мудрой женщине, заставили Андрея внимательнее присмотреться к Зое. Они с Зоей часто чаевничали, рассказывали друг другу о себе. Сначала завязалась дружба, потом появилась привязанность, а затем и желание все время быть вместе.

Зоя полностью посвятила себя Андрею, привязавшись к нему и духовно, и физически.

Глава 11

В этот год Аленке исполнялось два года, и Вячеслав с Симой пригласили Андрея с Зоей

на Новый год и следующий за ним день рождения внучки. К этому времени Слава купил коттедж в двадцати километрах от Петербурга.

Наступил день прилета отца. Встречать дорогих гостей в Пулково приехала вся семья.

Красивый, высокий, седой Андрей вышел в зал прилета первым. Резная трость в его руках добавляла ему импозантности. Следом шла Зоя. Она расцвела зрелой красотой. В ней появилась стать, которая свойственна любимым и окруженным вниманием женщинам. Слава на какое-то мгновение залюбовался: так отец и Зоя подходили друг другу. Он кинулся к ним:

– Папа, я просто счастлив! Здравствуйте, Зоя! Рад, что вы вместе! Благодаря вам папа удивительно помолодел!

Андрей наклонился к Аленке и услышал бесхитростный вопрос ребенка:

– Дедушка, а где ты был раньше?

– Раньше я болел. – Он приподнял девочку и поцеловал в бархатную щечку.

– А эта тетя моя бабушка? – кивнула Аленка в сторону Зои.

– Да, дорогая!

Принесли чемоданы, все расселись в просторном джипе и поехали домой. Всю дорогу, перебивая друг друга, обе пары рассказывали о последних новостях, о которых уже все знали из разговоров по телефону. Смеялись, шутили и незаметно подъехали к дому.

В гостиной, не сняв пальто и обуви, Андрей подошел к фотографии, стоявшей на каминной полке.

– Кто это? – побледнев, спросил он.

– Это Алена – мама Симы. – Слава забрал фотографию из рук отца и поставил на место. – В ее память мы и назвали Аленкой нашу дочку...

Андрей, казалось, просто в одночасье постарел. Про себя он сразу решил: «Об этом мы поговорим завтра, в день рождения».

Пужинали тихо. От пережитых волнений все немного устали.

Зоя сначала помогла убрать со стола, затем прошла в гостевую спальню, к Андрею.

– Что-то случилось, родной? – Она всегда чувствовала его перепады настроения.

– Нет-нет! Я устал. Давай спать.

Утром Андрей нашел сына на кухне, тот варил кофе и делал тосты. Сев за стол, он смотрел, как красиво двигается его сын.

Поставив перед отцом чашку с кофе и тарелку с бутербродами, Славик сел напротив.

– Что-то случилось, папа?

– Скажи, ты чувствуешь то, что чувствовал раньше? У тебя есть видения?

– Нет. После того, как погибла Алена, мама Симы, у меня нет ни предвидения, ни припадков.

Вздыхнув поглубже, Андрей решился.

– Алена, мама Серафимы, – твоя мама. Так случилось. В два месяца она отдала мне тебя, мы больше не виделись... Видишь, как получилось... А в тот Новый год, несколько лет назад, она, видимо, испугалась, что причинит вам психологическую травму... Не смогла пережить своего чувства вины перед тобой.

Растерев ладони, Слава приложил их лицу, стараясь не закричать.

– Господи, ужас какой. Я чувствовал, папа, чувствовал, что между мною и Аленой есть что-то общее. Мне с первого взгляда показалась она смутно знакомой. Что я скажу Симе?

Задумавшись, отец смотрел в окно, на заснеженный пейзаж, на голые ветки деревьев.

– Не знаю, родной. Может быть, ей пока ничего не надо говорить? Два года у вас все было хорошо...

– Нет, папа, это только внешне. Мы очень уважаем друг друга, но это не любовь. Мы действительно живем как брат с сестрой. Да что же это происходит с нами?

Андрей встал, подошел к сыну и успокаивающе похлопал его по спине.

– Жизнь продолжается. Не пропадем, придумаем что-нибудь.

Слава решил не омрачать празднование Нового года страшным известием. Ночь накануне дня рождения дочки прошла в согласии и мире.

Наутро следующего дня в кухню вошла Симочка с Аленкой. Андрей и Слава поднялись навстречу имениннице.

– Ну что, мужчины, можете нас поздравлять с днем рождения! – Аленка тянулась к Славе из рук Симы.

– С днем рождения, солнце мое! – Вячеслав поцеловал дочь в розовую щечку.

– Я тебя тоже поздравляю, моя любимая внучка. Пойдем со мной, я покажу тебе наш с Зоей подарок.

Взяв с рук Симы Аленку, дед унес ее к себе в комнату.

Сима и Слава остались одни.

«Что?» – взглядом спросила Симочка, почувствовав напряженную обстановку.

– Я не знаю, как тебе сказать. – Слава вытер пот со лба. – В общем, Серафима, мы с тобой – брат и сестра. Твоя мама – она и моя мама... – Слава взял свою чашку и залпом выпил крепкий кофе. – Какой ужас!.. Я спал с единоутробной сестрой! О Боже, прости меня, Сима. Прости, если сможешь... Как сложилась судьба! Но ведь мы с тобой не виноваты, Симочка, ведь правда?!

Серафима медленно осела на пол. Андрей кинулся поднимать ее. Усадив на табурет, метнулся за холодной водой. Сима жадно пила. Зубы стучали о край стакана. Мука поселилась в сердце молодой женщины.

– Как дальше жить? – Серафима подняла на Славу глаза, полные ужаса и боли.

– Не знаю. Наверное, я уеду с отцом в Венгрию. Мне необходимо дистанцироваться от тебя, от нашего дома, чтобы понять, как быть дальше. А там посмотрим.

– А я останусь с Аленой? Одна? – Сима показала на дверь детской комнаты. – Она же тебя больше любит, чем меня. А вдруг ты примешь решение расстаться со мною? Нет! Мне всего двадцать лет. У девочки не будет бабушки и дедушки, я не смогу дать ей ничего: ни жизненного опыта, ни денег. Со мной она не увидит нормальных семейных отношений. Слава! Какая из меня сейчас мать?! – Разволновавшись, Сима допила кофе Андрея. – Возьми хотя бы с собою нашу дочь! – Сима произнесла эти слова, и сердце у нее словно остановилось: женщина давно забыла о том, что Слава не родной отец ребенка.

– Хорошо, я возьму Алену. – Слава посмотрел на жену. – Я действительно считаю себя ее отцом.

Чтобы остаться с мыслями наедине и все обдумать, Слава уехал из дома, сказав, что едет за продуктами для праздничного обеда и ужина.

К двум часам в коттедж приехали поздравлять девочку клоун, Дед Мороз и Снегурочка, а также несколько ребятишек – детей сослуживцев Вячеслава.

Четыре часа в доме гремел настоящий праздник. Дети и приглашенные артисты под руководством Зои водили хороводы вокруг живой наряженной елочки, играли в ручеек и фанты. Родители детишек отдали должное закускам, запеченному мясу и прекрасно подобранным напиткам.

Счастливей всех выглядели, как это ни странно, Вячеслав, Андрей и Сима. Ни в коем случае они не хотели показать свое отчаяние радостной Аленушке и гостям. А именинница то ела торт, размазывая крем по бальному платьицу, то без усталости скакала, изображая снежинку.

К вечеру, когда остались только свои, отец с сыном, не сговариваясь, напился до неприличия, что нельзя было делать по состоянию здоровья ни одному, ни другому. Леночка быстро уснула, утомленная обилием впечатлений. Ужинали Сима и Зоя вдвоем.

Утром Вячеслав долго вспоминал, где он находится. Оказывается, в своем кабинете. Рядом на диване храпел отец и, судя по запаху перегара, выпили они примерно одинаково.

Сев, нашел на сервировочном столике, придвинутом к дивану, минеральную воду и рюмку водки. Опохмелившись, Слава крепко задумался.

А ведь ему в жизни будет легче, чем Симе. У него остался отец, появилась милая мачеха Зоя. У него есть, с кем разделить горе и радость, даже просто посидеть и помолчать. У Сими родственников, кроме Шандора, не осталось.

Как психиатр, Слава понимал, что ему с женой-сестрой необходимо расстаться резко, сразу. Каждый должен побыть наедине со своей болью, должен переболеть этими событиями.

Он прошел в спальню, сел на край кровати. Сима ждала его слов, попивая шампанское.

– С Новым годом, братишка.

– С Новым годом, Сима. Послушай, все будет хорошо. Ты встретишь человека, который тебя полюбит. Тебе всего двадцать лет. Вся жизнь впереди. Моя маленькая сестренка... Я всегда буду твоим старшим братом, который никому не даст тебя в обиду. Я даже рад, что Аленка поедет со мной.

Наступила минута прощания в Пулковском аэропорту. Всех пассажиров пригласили пройти на досмотр. Сима взяла дочь на руки и прижала к себе. Через минуту Слава очень решительно забрал у нее ребенка.

– Симочка, мы все тебя очень любим. Я сразу позвоню. Держись, сестренка!

Андрей и Зоя поцеловали девушку. Аленка грызла разноцветный диск леденца и, недопонимая, что предстоит разлука с мамой, легко и как-то холодно попрощалась с Симой.

Вернувшись в пустой дом, Серафима открыла коньяк, налила половину бокала, села в гостиную и стала мысленно перебирать свою жизнь со Славой, с мамой.

– Я сильная. Я выживу. Устрою личную жизнь и заберу Аленку, если она потом этого захочет.

У нервной системы есть такой способ защищать организм. Все ненужные и необъяснимые события человек как бы прячет в сундук своего подсознания. Это спасает, как предохранитель в электрическом щите.

Утром Сима поехала на работу. Когда вошла в лабораторию, с порога крикнула:

– Всем привет! Хочу объявить вам, дорогие коллеги, я теперь свободная женщина. Подробности пропускаю. Почти разведена. Кандидаты есть?

– А как же, я ведь тоже развелся, – сказал всем известный ловелас Боря.

– Ты слишком потрепан, – пошутила Сима. – Мне нужен молодой и перспективный мужчина.

* * *

Занимаясь делами отца, Слава обратился к Шандору за помощью, просил разобраться в трудностях кредитования медицинских учреждений.

Вячеслав приехал вечером к бывшему свекру домой, и дверь ему открыла София. Она была в пеньюаре, смешных тапочках с мордочками зайцев и с полотенцем на голове в виде тюрбана. На ней не оказалось ни грамма косметики, и выглядела она очень молодо. София искренно обрадовалась Славе.

Шандора дома не было.

Молодые люди пошли пить чай в гостиную.

– Как там Сима? – спросила София, чтобы что-то сказать.

– Сима? – Слава вдруг без предисловий сказал: – Сима оказалась моей единоутробной сестрой... Лена была нашей матерью.

– Надо же, я почему-то так и думала, глядя на вас. Нет, не о том, что вы брат с сестрой, – о том, что вы больше похожи не на любовников, не на молодых мужа и жену, а на родственников, которых объединяет долгий опыт совместной жизни. Странные у вас были отношения.

– Какая ты наблюдательная, София. Я сам себе боялся признаться, что чувства, которые испытываю к Симе, мало похожи на чувства жениха к невесте, мужа к жене.

София вдруг грациозно встала, стащила с головы полотенце... Ее волосы рассыпались по плечам. В Славе, как это было уже однажды, возникло желание обладать этой женщиной. Влечение было столь сильным, что он резко встал. Распахнув халат, он припал к ее груди. Стал яростно целовать. София не сопротивлялась. Она отвечала ему с той же пылкостью.

Молодые люди провели прекрасную, страстную ночь. Слава понял: София – его женщина, к ней его привела судьба!

Они начали встречаться.

«Именно София может стать хорошей женой и матерью Аленке, – все чаще думал Слава. – Дочь Шандора с самого рождения девочки относилась к ней по-родственному».

Вячеслав звонил Симе ежедневно. Ее судьба была для него важна. По характеру разговора, по голосу Серафимы было ясно, что ощущение трагедии миновало. Общаться бывшим супругам стало как будто легче. Сима без ревности отнеслась к сообщению Славы о чувствах, возникших между ним и Софией. «Как все перемешалось в наших семьях!» – иногда думала она. Но грусть поселилась в ее сердце.

Через три месяца София и Слава сыграли свадьбу. Сима прилетела на торжество. Ее неприятно удивило то, что Аленка называет Софию мамой, правда, и саму Симу она звала так же.

Шандор подходил то к родной дочери, то к приемной. Он любил их обеих и хотел поддержать. Молодые женщины общались друг с другом тяжело, без понимания. Но после того, как рожденная Софией дочка Аннушка стала, по аналогии со старшей сестренкой, называть Симу мамой, в семьях наступил мир. Женщины перестали относиться друг к другу пристрастно.

Как много роковых случайностей выпало на долю семей Андрея и Елены, Славы и Симы! Как много людей было вовлечено в их жизни! Какой прихотливый узор сплела судьба!